

М Е М У А Р Ы

1939

З А Л И Н И Е Й
Ф Р О Н Т А

ВОСПОМИНАНИЯ
ГЕНЕРАЛ-
ФЕЛЬДМАРШАЛА
ВЕРМАХТА

1944

Эрих фон Манштейн

УТЕРЯННЫЕ ПОБЕДЫ

За линией фронта. Мемуары

Эрих Манштейн

**Утерянные победы. Воспоминания
генерал-фельдмаршала вермахта**

«Центрполиграф»

1955

УДК 94(430).086
ББК 63.3(0)62

Манштейн Э. ф.

Утерянные победы. Воспоминания генерал-фельдмаршала
вермахта / Э. ф. Манштейн — «Центрполиграф», 1955 — (За
линией фронта. Мемуары)

ISBN 978-5-227-07748-6

В своих личных записках знаменитый генерал не касается ни идеологии, ни грандиозных планов, которые были разработаны германскими политиками. В каждой битве Манштейн находил успешное решение боевой задачи, реализуя потенциал своих войсковых сил и максимально снижая возможности противника. В войне против СССР генерал развернул свой талант во всем блеске и показал, что такое современный стиль, методы и уровень ведения боевых действий. Сам фюрер однажды проговорился: «Возможно, что Манштейн – лучшие мозги, какие только произвел на свет корпус Генштаба». В своих воспоминаниях военачальник раскрывает секрет проигранных побед, выявляет конкретных виновников и называет истинных героев, обреченных на смерть ради политических амбиций руководителей страны.

УДК 94(430).086
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-227-07748-6

© Манштейн Э. ф., 1955
© Центрполиграф, 1955

Содержание

Предисловие автора	7
Часть первая	8
1. Перед штурмом	8
Генеральный штаб и польский вопрос	10
Война или блеф?	11
2. Стратегическая обстановка	16
Расстановка сил и оперативный план германской армии	16
Расстановка сил и оперативный план польской армии	18
Несколько замечаний о развертывании польских сил	19
3. Действия группы армий «Юг»	24
Начальная обстановка	25
Наступление 14-й армии в Галиции	26
Прорыв 10-й армии к Висле и сражение в Радомском котле	27
Бой на Бзуре	28
Взятие Варшавы	30
Завершающие бои восточнее Сана и Вислы	31
Часть вторая	34
Введение	34
4. Ослабление власти командования сухопутных сил	37
Гитлер – фон Браухич – Гальдер	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эрих фон Манштейн

Утерянные победы. Воспоминания генерал-фельдмаршала вермахта

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

© Bernard & Graefe Verlag, Bonn, 1955

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

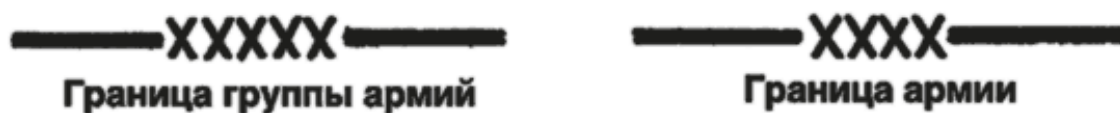
© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2017

* * *

КЛЮЧ СИМВОЛОВ

** флажок показывает местонахождение штаба*

Тактические обозначения,
начиная с дивизий, с указанием рода войск

Посвящается нашему павшему сыну Геро фон Манштейну и всем товарищам, погибшим за Германию

Предисловие автора

Эта книга – личные записки солдата, в которых я сознательно воздержался от обсуждения политических вопросов и тонкостей, не связанных напрямую с событиями, происходившими на поле боя. Возможно, в этой связи уместно будет вспомнить слова капитана Б.Х. Лиддел-Гарта: «Немецкие генералы этой войны были верхом совершенства в своей профессии – где бы то ни было. Они могли бы быть еще лучше, обладай более широким мировоззрением и глубоким пониманием событий. Но если бы они стали философами, то уже перестали бы быть солдатами».

Я постарался не пересматривать свой опыт, мысли и решения задним числом, но изложить их в том виде, в каком они представлялись мне в то время. Другими словами, я выступаю в роли не исследователя-историка, а деятельного участника событий, о которых собираюсь рассказать. Однако, хотя я и стремился дать объективный отчет о произошедших событиях, о тех, кто участвовал в них и принимал решения, мое мнение как участника неизбежно останется субъективным. Тем не менее я все же надеюсь, что мой рассказ пригодится историкам, ибо даже историки не в силах установить истину на основании одних лишь бумаг и документов. Самое важное – это что думали и как отзывались на события их главные герои, а документы и журналы боевых действий редко дают ответ на этот вопрос, да и, конечно, далеко не полный.

Описывая, как в 1940 году возник план германского наступления на западе, я не выполнил указания генерал-полковника фон Зеекта о том, что офицеров Генерального штаба не должно называть по имени. Мне представляется, что я вправе сделать это теперь, когда – хоть и не по моей воле – эта тема давно уже стала предметом всеобщего обсуждения. Фактически мой бывший командующий фельдмаршал фон Рундштедт и наш начальник оперативного отдела генерал Блюментритт и рассказали Лиддел-Гарту историю этого плана (в то время я еще не имел удовольствия быть с ним знакомым).

В свой рассказ о военных проблемах и событиях я порой включал и кое-какие личные переживания, полагая, что даже на войне есть место человеческим переживаниям. Если в последних главах книги эти личные воспоминания отсутствуют, то лишь потому, что в тот период заботы и бремя обязанностей заслонили собой все остальное.

В силу своей деятельности во Второй мировой войне я вынужден рассматривать события главным образом с точки зрения высшего командования. Однако я надеюсь, что сумел последовательно и ясно показать, что решающее значение на протяжении всей войны имели самопожертвование, доблесть и преданность долгу немецкого солдата в сочетании со способностью и готовностью командиров всех уровней брать ответственность на себя. Именно эти качества принесли нам все наши победы. Только они дали нам возможность противостоять врагу, обладавшему подавляющим превосходством.

Одновременно своей книгой мне хотелось бы выразить благодарность главнокомандующему на первом этапе войны фельдмаршалу фон Рундштедту за неизменное его доверие ко мне, командирам и солдатам всех званий, служившим под моим командованием, а также офицерам штабов, особенно моим начальникам штабов и офицерам Генерального штаба, которые постоянно поддерживали меня и помогали советами.

В заключение я благодарю тех, кто помогал мне в подготовке этих воспоминаний: моего бывшего начальника штаба генерала Буссе и наших штабных офицеров Блумредера, Айсмана и Аннуса, а также герра Герхарда Гюнтера, побудившего меня изложить воспоминания на бумаге, герра Фреда Гильденбрандта, оказавшего мне неоценимую помощь в их составлении, и герра инженера Матерне, с большим знанием дела подготовившего схемы и карты.

Эрих фон Манштейн

Часть первая

Польская кампания

1. Перед штурмом

За политическим развитием событий, последовавших за присоединением Австрии, я наблюдал вдали от средоточия военных дел.

В начале февраля 1938 года, после того как я занял второй по важности пост в Генеральном штабе германской армии – пост первого оберквартирмейстера, иначе заместителя начальника штаба, моя карьера в Генеральном штабе внезапно прервалась. Когда генерал-полковник барон фон Фрич был смещен с должности главнокомандующего сухопутными силами в результате дьявольской партийной интриги, вместе с ним из главного командования сухопутных сил (ОКХ) вывели ряд его ближайших сотрудников, в том числе и меня самого. С тех пор, после назначения командиром 18-й дивизии, я, разумеется, больше не находился в курсе вопросов, которые входили в сферу компетенции высшего командования.

С самого начала апреля 1938 года я смог полностью посвятить себя работе на посту командира дивизии. Мои обязанности доставляли мне особое удовлетворение, и в то время больше, чем когда-либо, но при этом они требовали полной отдачи сил, поскольку до завершения задачи по численному увеличению армии было еще далеко. Непрерывно создавались новые части, что требовало постоянной реорганизации уже сформированных, а темпы перевооружения и связанный с ним рост численности как офицерского, так и унтер-офицерского корпусов предъявляли самые высокие требования к командирам всех уровней, если мы хотели достичь своей цели и создать внутренне сплоченные, хорошо обученные войска, которые могли бы обеспечить безопасность государства. Тем отраднее был успех этих трудов, особенно для меня, когда после многих лет, проведенных в Берлине, я снова получил приятную возможность непосредственно соприкоснуться с боевыми войсками. Поэтому я с огромной благодарностью вспоминаю те последние полтора мирных года и, в частности, силезцев, из которых в основном и состояла 18-я дивизия. Силезия с незапамятных времен поставляла добрых солдат, потому военная подготовка и обучение новых частей были благодарной задачей.

Верно, что краткая интерлюдия «цветочной войны» – оккупация судетских земель – застала меня на посту начальника штаба армии под командованием генерал-полковника Риттера фон Лееба. В этом качестве я узнал о конфликте, вспыхнувшем между начальником Генерального штаба сухопутных сил генералом Беком и Гитлером по поводу чешского вопроса и окончившемся, к моему великому сожалению, отставкой начальника штаба, которого я глубоко уважал. Притом его отставка перерубила последнюю нить, связывавшую меня с ОКХ.

Таким образом, только летом 1939 года я узнал об операции «Белый план», первом плане развертывания для наступления на Польшу, подготовленном по приказу Гитлера. До весны 1939 года подобного плана не существовало. Напротив, все подготовительные военные мероприятия на нашей восточной границе носили оборонительный характер.

Той же директивой я назначался начальником штаба группы армий «Юг», главнокомандующим которой должен был стать генерал-полковник фон Рундштедт, к тому времени уже вышедший в отставку. Предполагалось, что группа армий развернется в Силезии, Восточной Моравии и частично Словакии согласно с детальным планом, который нам предстояло выработать.

Поскольку в мирное время штаба группы армий не существовало и план по развертыванию должен был быть сформирован только в случае всеобщей мобилизации, для работы

над ним была создана небольшая рабочая группа. 12 августа 1939 года она собралась в учебном районе Нойхаммер, в Силезии. Во главе рабочей группы встал полковник Блюментритт, офицер Генштаба, который при объявлении мобилизации должен был занять пост начальника оперативного отдела (Ia) штаба группы армий. Для меня это оказалось неожиданной удачей, так как с этим необычайно талантливым человеком меня связывали самые тесные узы взаимного доверия, возникшие между нами еще во время совместной службы в штабе армии фон Лееба во время судетского кризиса, и я считал необычайно ценной возможность работать в такие времена с человеком, на которого можно положиться. Зачастую люди привлекают нас какими-то незначительными чертами, и в Блюментритте меня всегда восхищала его предельная приверженность телефону. Он и без того работал с невероятной скоростью, но с телефонной трубкой в руке легко разрешал целые лавины вопросов, причем всегда сохраняя невозмутимое добродушие.

В середине августа в Нойхаммер прибыл будущий командир группы армий «Юг» генерал-полковник фон Рундштедт. Мы все знали его. Он был блестящим тактиком и талантливым военачальником, в один миг умевшим охватить суть любой проблемы. По существу, он занимался только важными вопросами, будучи совершенно равнодушным к мелочам. К тому же он был человек старой школы – боюсь, люди этого типа на грани исчезновения, хотя когда-то придавали жизни прелесть разнообразия. Перед обаянием генерал-полковника не устоял даже Гитлер. Казалось, Гитлер питал к нему искреннюю привязанность, которую, что удивительно, отчасти сохранил и после того, как дважды отправлял фон Рундштедта в опалу. Видимо, Гитлера привлекало в нем то, что генерал производил какое-то неопределенное впечатление человека прошлого – прошлого, которого Гитлер не понимал и к атмосфере которого никогда не мог приобщиться.

Кстати сказать, когда наша рабочая группа собралась в Нойхаммере, моя 18-я дивизия также находилась в учебном районе на ежегодных полковых и дивизионных учениях.

Едва ли нужно говорить, что все мы, обеспокоенные чрезвычайными событиями, которые пережила Германия с 1933 года, задавались вопросом, к чему они ведут. В то время все наши мысли и разговоры занимали признаки надвигающейся бури, со всех сторон окружившие горизонт. Мы понимали, что Гитлер преисполнен фанатической решимости покончить с территориальными проблемами Германии, унаследованными по Версальскому договору. Нам было известно, что еще осенью 1938 года он вступил в переговоры с Польшей с целью окончательно разрешить вопрос польско-немецкой границы, хотя о результатах этих переговоров, если они вообще добились каких-то результатов, ничего не говорилось. В то же время мы знали, что Великобритания дала Польше определенные гарантии. И я могу с уверенностью утверждать, что в армии не было столь самонадеянного, беспечного или недалекovidного человека, который не увидел бы в этих гарантиях в высшей степени серьезное предостережение. Уже одно это обстоятельство – хотя и далеко не единственное – убеждало наш нойхаммерский рабочий штаб, что никакой войны в конце концов не будет. Даже если план развертывания, который мы в то время разрабатывали, осуществится, это, как нам представлялось, еще не означало войну. До последнего мига мы пристально следили за тем, как Германия опасно балансирует на лезвии ножа, и все больше поражались невероятной удаче Гитлера, достигавшего всех своих явных и тайных политических целей, причем до сих пор не прибегая к оружию. Казалось, этот человек обладает почти безошибочным чутьем. Успех следовал за успехом, и этому не было конца – при условии, что можно вообще назвать успехами блестящую череду событий, в конечном итоге приведших Германию к краху. Все успехи достигались без развязывания войны. Почему же на этот раз должно быть по-другому? – спрашивали мы себя. Взять хотя бы Чехословакию. Хотя в 1938 году Гитлер собрал против нее внушительные войска, война так и не началась. И все же мы не могли выбросить из головы старинную поговорку о кувшине, который повадился по воду ходить и голову сломал, ибо на тот момент сложилось куда более сложное положение, а игра, в

которую, видимо, собирался играть Гитлер, казалась куда более опасной. Ведь теперь нам пришлось бы выступить против данных Польше британских гарантий. Но мы вспоминали утверждение Гитлера о том, что он не настолько безумен, чтобы развязывать войну на два фронта, как поступило руководство Германии в 1914 году. Из этого хотя бы можно было сделать вывод, что Гитлер – человек разумный, даже если у него не осталось человеческих чувств. Срываясь на хриплый крик, он недвусмысленно заверил военных советников в том, что он еще не сошел с ума, чтобы ввязываться в мировую войну ради Данцигского, или Польского, коридора.

Генеральный штаб и польский вопрос

Когда Польша воспользовалась навязанным Германии Версальским миром, чтобы аннексировать немецкие территории, на что не имела права ни с точки зрения исторической справедливости, ни с точки зрения самоопределения, она стала для нас незаживающей раной. В те годы, когда Германия была слаба, Польша оставалась постоянным источником раздражения. Каждый раз, глядя на карту, мы вспоминали свое сомнительное положение. Безосновательная демаркация границы! Увечье, нанесенное Отечеству! Коридор, отделивший Восточную Пруссию и давший нам все основания опасаться за эту прекрасную землю! Но, несмотря ни на что, армия и не мечтала о том, чтобы развязать войну с Польшей и силой положить конец этому положению. Помимо всего прочего, для отказа от насильственных действий была очень простая причина военного свойства: наступление на Польшу, так или иначе, ввергло бы рейх в войну на двух фронтах, а то и больше, а на это у Германии совсем не было сил. В период слабости, продиктованной нам Версальским договором, нас ни на минуту не покидал *cauchemar des coalitions*¹ – страх тревожил нас все больше, поскольку широкие круги польского населения по-прежнему питали плохо скрываемое желание прибрать к рукам немецкие территории. И хотя мы не испытывали желания развязать агрессивную войну, едва ли можно было надеяться, при непредвзятом отношении к настрою Польши, что нам удастся сесть с поляками за стол мирных переговоров, дабы пересмотреть эти бессмысленные границы. Кроме того, мы полагали, что однажды ничто не помешает Польше взять инициативу в свои руки и попытаться силой решить пограничный вопрос. Начиная с 1918 года мы имели возможность получить кое-какой опыт в этом отношении, и, пока Германия была слаба, следовало подготовиться к подобному варианту. Как только смолк голос маршала Пилсудского и решающий голос получили определенные национальные круги, вторжение Польши в Восточную Пруссию или Верхнюю Силезию стало таким же вероятным событием, как вылазка поляков в Вильно. Однако на этот случай размышления военных нашли политический ответ. Если Польша выступит в роли агрессора и нам удастся отразить ее удар, вероятно, Германия получит возможность пересмотреть злосчастный пограничный вопрос на волне политической реакции.

Так или иначе, ни один военачальник не питал лишних иллюзий по данной проблеме. В книге «Зеект. Из моей жизни» генерал фон Рабенау цитирует слова генерал-полковника о том, что «существование Польши невыносимо и несовместимо с важнейшими потребностями Германии: она должна исчезнуть из-за собственной же внутренней слабости и при посредстве России... с нашей помощью», и в действительности события в политической и военной сфере уже приняли именно этот оборот. Мы отдавали себе вполне ясный отчет в растущей военной мощи Советского Союза, вдобавок Франция, страна, под чары которой так легко подпасть, взирала на нас все с той же враждебностью. Франция никогда не перестала бы искать союзников за спиной Германии. Но если исчезнет Польское государство, то могущественный Советский Союз может стать гораздо более опасным союзником Франции, чем такое буферное государство, как Польша. Устранение буфера в виде Польши (и Литвы) между Германией и Советским

¹ Кошмар коалиций (фр.). (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. пер.)

Союзом очень легко могло привести к разногласиям между двумя мощными державами. Хотя пересмотр границ с Польшей мог быть взаимовыгоден, полное устранение ее как государства едва ли дало бы преимущества Германии в силу совершенно изменившейся обстановки, которая в основном сложилась к тому времени.

Таким образом, для нас было бы лучше оставить Польшу между собой и Советским Союзом, независимо от нашего к ней отношения. Как бы ни удручала нас, солдат, бессмысленная и грозящая взрывом демаркационная линия на востоке, Польша все же была не таким опасным соседом, как Советский Союз. Конечно, вместе с остальными немцами мы надеялись, что когда-нибудь границы будут пересмотрены и области с преобладающим немецким населением вернутся в рейх по естественному праву местных жителей. В то же время с военной точки зрения было бы крайне нежелательно, чтобы население Польши увеличивалось. Что касается требования Германии о соединении Восточной Пруссии с рейхом, то его можно было бы увязать с притязанием Польши на выход к морю. Именно этой точки зрения на польскую проблему, и никакой иной, придерживалось большинство немецких военных в дни рейхсвера – скажем, с конца 20-х годов и дальше, – если возникал вопрос о вооруженном конфликте.

Затем колесо судьбы снова повернулось. На сцену вышел Адольф Гитлер. Изменилось все, в том числе и основа наших взаимоотношений с Польшей. Германия заключила пакт о ненападении и договор о дружбе с нашим восточным соседом. Мы избавились от страха перед возможным нападением со стороны поляков. Одновременно отношения между Германией и Советским Союзом охладели, поскольку наш новый вождь, выступая перед общественностью, слишком уж откровенно провозгласил свою ненависть к большевистскому строю. В этой новой обстановке Польша не могла не почувствовать себя свободнее в политическом смысле, но для нас она больше не представляла опасности. Перевооружение Германии и ряд достижений Гитлера в сфере внешней политики лишили ее возможности воспользоваться обретенной свободой действий против рейха. А раз оказалось, что Польше не терпится принять участие в разделе Чехословакии, то мы, весьма вероятно, смогли бы обсудить с ней пограничный вопрос.

До весны 1939 года главное командование германских сухопутных сил не имело никакого плана наступления на Польшу. До этого все наши военные мероприятия на востоке носили чисто оборонительный характер.

Война или блеф?

Будет ли это по-настоящему на сей раз – осенью 1939 года? Правда ли, что Гитлер хочет войны или будет военными или иными средствами давить до последнего, как в случае с Чехословакией в 1938 году, чтобы урегулировать вопросы по Данцигу и Польскому коридору?

Война или блеф? Этот вопрос не давал покоя всем, кто не мог разгадать самую суть политических событий, главным образом намерений самого Гитлера. Да и, собственно говоря, кто вообще был удостоен возможности проникнуть в суть этих намерений?

В любом случае было совершенно понятно, что принятые в августе 1939 года военные меры – несмотря на директиву «Белый план» – были направлены на усиление политического давления на Польшу. По приказу Гитлера начиная с лета лихорадочными темпами сооружался Восточный вал – эквивалент линии Зигфрида. На польскую границу перебрасывались целые дивизии, в том числе и 18-я, чтобы неделю за неделей без перерыва возводить укрепления. К чему были эти труды, если Гитлер планировал нападение на Польшу? Даже если, вопреки всем своим заявлениям, он обдумывал возможность вести войну на два фронта, Восточный вал все равно не имел большого смысла, поскольку в тогдашней обстановке единственно верный путь для Германии заключался в том, чтобы первым делом вторгнуться в Польшу и завладеть ею, одновременно находясь в обороне на западе. О том, чтобы поступить наоборот – наступать на западе и обороняться на востоке, – не могло быть и речи при существовавшей расстановке

сил, тем более что наступление на западе ни в коей мере не планировалось и не готовилось. Следовательно, если сооружение Восточного вала имело в сложившейся ситуации какой-то смысл, то, безусловно, он состоял лишь в том, чтобы сконцентрировать войска на польской границе с целью оказания давления на Польшу. Даже развертывание пехотных дивизий на восточном берегу Одера в последнюю декаду августа и переброска бронетанковых и моторизованных дивизий в районы сосредоточения на западном направлении не обязательно означали подготовку к нападению: их вполне можно было использовать для политического давления.

Как бы то ни было, пока что, как обычно, продолжалось обучение по программе мирного времени. 13 и 14 августа в Нойхаммере я провел последние дивизионные учения, окончившиеся парадом, который принимал генерал-полковник фон Рундштедт. 15 августа прошли большие артиллерийские учения во взаимодействии с люфтваффе. Они были отмечены трагическим происшествием. Целая эскадрилья пикирующих бомбардировщиков, которая, по видимому, получила неверные данные о высоте облачного покрова, не смогла вовремя выйти из пикирования и врезалась прямо в лес. На следующий день было запланировано еще одно полковое учение, а затем подразделения дивизии возвратились в свои гарнизоны, хотя всего через несколько дней им предстояло снова отправиться на границу Силезии.

19 августа фон Рундштедт и я получили приказ явиться в Оберзальцберг на совещание, назначенное на 21-е число того же месяца. 20 августа мы выехали из Лигница в поместье моего шурина под Линцем и переночевали там, а на следующее утро прибыли в Берхтесгаден. К Гитлеру были вызваны все командующие армиями и группами армий со своими начальниками штабов, а также командиры соответствующих соединений военно-морских и воздушных сил.

Совещание – или, вернее, речь Гитлера, ибо он не допускал, чтобы оно приняло форму открытой дискуссии после того, что имело место во время его прошлогоднего совещания с начальниками штабов перед чешским кризисом, – проходило в большом зале Бергхофа, окна которого выходили на Зальцбург. Незадолго перед приходом Гитлера появился Геринг. Вид у него был из ряда вон выходящий. До той минуты я полагал, что нас собрали с серьезными намерениями, но Геринг, как видно, принял совещание за маскарад. На нем была рубашка с отложным воротником и зеленый кожаный жилет с большими пуговицами из желтой кожи. Ко всему этому он надел серые шорты и длинные гольфы из серого шелка, открывавшие его массивные икры. Элегантность гольфов компенсировалась массивными ботинками. Наряд довершала щедро вышитая золотом португеза из красной кожи, опоясавшая жирное брюхо, на которой висел декоративный кинжал в широких ножнах из того же материала.

Я не удержался и шепнул соседу генералу фон Зальмуту:

– Кажется, наш толстяк решил сыграть роль вышибалы?

Речь Гитлера, которую он произнес в тот раз, позднее стала темой разнообразных обвинительных «документов» во время Нюрнбергского процесса. В одном из них утверждалось, что Гитлер прибег к самым резким выражениям, а Геринг, в восторге от предстоящей войны, вскочил на стол и крикнул: «Зиг хайль!» Все это не соответствует действительности. Также неверно и то, что Гитлер в тот раз говорил: «Я боюсь только одного: что в последний момент какая-нибудь скотина явится ко мне с предложением подумать еще раз». Хотя тон его речи явно свидетельствовал о том, что он твердо принял решение, Гитлер был слишком хорошим психологом, чтобы думать, будто гневными тирадами и руганью может произвести впечатление на собравшихся.

Суть его речи верно передана в книге Грейнера «Верховное командование вооруженных сил Германии в 1939–1943 гг.». Грейнер основывается на устном изложении полковника Варлимонта, которое тот сделал для журнала боевых действий, и на стенографических записях адмирала Канариса. Некоторые сведения о речи также можно почерпнуть из дневника генерал-полковника Гальдера – хотя мне представляется, что в дневник, как и в изложение Вар-

лимонта и Канариса, могло попасть кое-что из того, что они слышали от Гитлера по другим поводам.

У тех из нас, кто не входил в состав высшего руководства, сложилось примерно следующее впечатление.

На сей раз Гитлер был твердо намерен окончательно разобраться с польским вопросом, даже ценой войны. Однако, если поляки уступят давлению Германии, почти достигшему своей кульминации в виде развертывания, хотя и замаскированного, немецких армий, мирное решение не исключено, и Гитлер был уверен, что в критический миг западные державы не возьмутся за оружие снова. Он особенно постарался развить последний тезис, причем его основные доводы заключались в следующем: отсталость Великобритании и Франции в области вооружений, в частности в отношении авиации и противовоздушной обороны; практическая неспособность западных держав оказать Польше действенную помощь, помимо наступления на линию Зигфрида, — а на этот шаг не отважится ни одна из этих держав в силу того, что он повлечет за собой большое кровопролитие; международная обстановка, в особенности напряжение в Средиземноморском регионе, значительно ограничившее свободу действий Великобритании; внутренняя ситуация во Франции; и напоследок, хотя и не в последнюю очередь, лично сти руководящих деятелей. Ни Чемберлен, ни Даладье, утверждал Гитлер, не возьмут на себя ответственность за решение объявить войну.

Хотя оценка Гитлером позиции западных держав казалась в основном логичной и убедительной, я все же не думаю, что его выступление совершенно убедило слушателей. Конечно, единственным реальным препятствием на пути осуществления его замыслов были британские гарантии Польше, но зато каким весомым!

По моему мнению, то, что говорил Гитлер о возможной войне с Польшей, нельзя было понять как политику тотального уничтожения, хотя обвинители на Нюрнбергском процессе придали его словам именно этот смысл. Когда Гитлер требовал скорого и беспощадного уничтожения польской армии, на военном языке это значило всего лишь цель, которая и лежит в основе любой крупномасштабной наступательной операции. Так или иначе, ни одно его слово не дало нам понять, как впоследствии он собирался действовать в Польше.

Вполне естественно, что самой неожиданной, а также и поразительной новостью стало для нас известие о предстоящем заключении пакта с Советским Союзом. На пути в Берхтесгаден мы уже успели прочесть в газетах о заключении торгового соглашения, которое само по себе уже было сенсацией. Теперь мы узнали, что присутствовавший на совещании министр иностранных дел фон Риббентроп, который при всех попрощался с Гитлером, улетает в Москву для подписания со Сталиным пакта о ненападении. Гитлер заявил, что этим ходом он лишает западные державы их главного козыря, ибо отныне даже блокада Германии не даст результата. Гитлер намекнул, что для создания благоприятных условий для подписания пакта он уже пошел на большие уступки Советскому Союзу в Прибалтике и в отношении восточных границ Польши, но из его слов нельзя было сделать вывод о полном разделе Польши. Действительно, как стало известно впоследствии, даже после начала Польской кампании он еще рассматривал вариант сохранения Польши как марионеточного государства.

Выслушав речь Гитлера, ни фон Рундштедт, ни я сам, как и, по-видимому, никто из остальных генералов, не пришел к выводу о неизбежном начале войны. Два фактора в особенности убеждали нас в том, что в последнюю минуту, как и в Мюнхене, будет достигнуто мирное соглашение.

Во-первых, то соображение, что после заключения пакта с Советским Союзом положение Польши станет совершенно безнадежным. Вполне вероятно, что Великобритания, у которой в буквальном смысле слова вырвали оружие блокады, и, дабы оказать помощь Польше, ей остается лишь кровопролитный путь наступления на западе, под давлением французов посоветует Варшаве сдаться. Таким образом, Польша должна была понять, что британские гарантии

отныне не имеют практического смысла. Больше того, если дело дойдет до войны с Германией, ей придется считаться с тем, что русские начнут действовать у нее в тылу, чтобы осуществить свои старинные притязания на ее восточные земли. Что еще останется делать Варшаве в такой ситуации, если не отступить?

Второй фактор заключался в самом факте совещания, на котором мы только что присутствовали. Какова была его цель? В военном отношении до сих пор намерение напасть на Польшу маскировалось всеми мыслимыми способами. Переброска дивизий в восточные области объяснялась сооружением Восточного вала; а чтобы скрыть цель передислокации войск в Восточную Пруссию, устроили грандиозное празднование годовщины Грюнвальдской битвы. До последней минуты продолжалась подготовка к масштабным маневрам моторизованных соединений. Официально мобилизация не объявлялась. Хотя Польша не могла не обратить внимания на эти мероприятия, явно предназначенные для политического давления, все же их окутывала строжайшая секретность и сопровождали всевозможные формы маскировки. И теперь, в самый разгар кризиса, Гитлер созывает все свое высшее военное руководство в Оберзальцберг – такое мероприятие скрыть было невозможно. Нам оно показалось вершиной политики сознательного блефа. Иными словами, не стремится ли Гитлер к компромиссу, вопреки всем своим воинственным выступлениям? Не задумывалось ли само это совещание с целью оказать последний нажим на Польшу?

С такими мыслями мы с генерал-полковником фон Рундштедтом покидали Берхтесгаден. В то время как он отправился дальше в наш штаб в Нысе, я остановился в Лигнице, чтобы провести день с семьей. Уже этот факт свидетельствует о том, как мало я верил в неминуемое начало войны.

В полдень 24 августа генерал-полковник фон Рундштедт принял командование группой армий. 25 августа в 15.25 мы получили следующее шифрованное сообщение из командования сухопутных сил: «Операция «Белый план»: день «Д» 26.08, время «Ч» 4.30».

Итак, решение о вступлении в войну – решение, в возможность которого мы не хотели верить, – по всей видимости, было принято.

Мы с генерал-полковником фон Рундштедтом обедали в нашем штабе в монастыре Святого Креста в Нысе, когда по телефону поступил следующий приказ командования сухопутных войск: «Не начинать, повторяю, не начинать военные действия. Остановить передвижения войск. Продолжать мобилизацию. Развертывание по «Белому плану» и «Западу» продолжать, как намечено».

Любой солдат может понять, что значит подобная отмена приказа, сделанная в последнюю минуту. В течение нескольких часов нужно было остановить три армии, продвигавшиеся к границе через район от Нижней Силезии до восточных областей Словакии, учитывая при этом, что все штабы вплоть до дивизионного уровня также находились на марше и что в целях секретности радиопередачи были по-прежнему запрещены. Несмотря на все трудности, нам все же удалось вовремя уведомить войска о приказе – первоклассная работа связистов и оперативного состава. Правда, один моторизованный полк в Восточной Словакии смогли остановить только благодаря тому, что ночью самолет «Физелер-Шторх» с офицером на борту совершил посадку прямо во главе колонны.

Нам ничего не сообщили о причинах, побудивших Гитлера, как казалось, в последний миг дать обратный ход приказу о начале военных действий. Мы узнали только о том, что переговоры еще продолжаются.

Понятно, что нас, солдат, неприятно потрясли подобные действия руководства. Ведь, в конце концов, решение о начале войны – самое серьезное решение, которое может принять глава государства.

Как может человек принять это решение, а затем отменить его через несколько часов – особенно если отмена в военном смысле ставит в чрезвычайно невыгодное положение? Как я

указывал выше, описывая совещание в Оберзальцберге, все шаги в военной сфере были рассчитаны на то, чтобы застать врага врасплох. Официально общая мобилизация не объявлялась, а первый день призыва был назначен на 26 августа, то есть день только что остановленного наступления. В результате этого мы должны были наступать на Польшу – всего лишь – всеми бронетанковыми и моторизованными соединениями и вдобавок ограниченным количеством пехотных дивизий, уже находившихся либо в приграничных районах, либо в процессе приведения в полную боевую готовность. Теперь о том, чтобы захватить противника врасплох, не могло быть и речи. Ибо, даже если выдвижение войск в районы сосредоточения в пограничной зоне происходило ночью, враг не мог не заметить этого, тем более что моторизованные части в районах сосредоточения западнее Одера должны были выступить днем, чтобы форсировать реку. Вследствие этого, если война действительно предполагалась, должен был вступить в силу другой вариант: вторжение всеми мобилизованными силами. Во всяком случае, элемент неожиданности, внезапности был потерян.

Поскольку нельзя было предположить, что первое решение Гитлера открыть военные действия было необдуманным легкомыслием, мы могли прийти лишь к тому выводу, что таким образом по-прежнему продолжается дипломатическая тактика постоянного усиления нажима на поляков. Поэтому, когда 31 августа в 17 часов мы получили новый приказ о начале операций 1 сентября в 4.45, мы с генерал-полковником фон Рундштедтом отнеслись к нему скептически, тем более что не поступало никаких сообщений о провале переговоров. Во всяком случае, ввиду того, что произошло 25 августа, наша группа армий все подготовила к тому, чтобы остановить выполнение операции, если она снова будет отменена в последнюю минуту. Мы с генерал-полковником не ложились спать до полуночи, ожидая, как нам казалось, вполне возможной отмены приказа о наступлении.

Только когда минула полночь и операцию уже было невозможно остановить, у нас не осталось ни малейших сомнений в том, что отныне говорить будут пушки.

2. Стратегическая обстановка

Стратегическая обстановка во время Польской кампании определялась следующими решающими факторами:

во-первых, превосходством немецких сил, при условии, что немецкое командование готово пойти на значительный риск на западе, бросив главную часть своих сил против Польши;

во-вторых, географическим положением, которое давало Германии возможность взять польскую армию в клещи ударами из Восточной Пруссии с одного фланга и из Силезии и Словакии с другого;

в-третьих, потенциальной угрозой в тылу Польши со стороны Советского Союза.

Расстановка сил и оперативный план германской армии

Органы планирования немецких вооруженных сил в полной мере пошли на риск на западе, о котором говорилось выше.

ОКХ начало наступление на Польшу силами в составе сорока двух кадровых дивизий (в их число входила одна вновь сформированная дивизия – 10-я бронетанковая) и одной новой пехотной дивизии (50-й), сформированной из крепостных войск в районе Одер – Варта. Всего силы включали двадцать четыре пехотные дивизии, три горнострелковые дивизии, шесть бронетанковых дивизий, четыре легкие дивизии, четыре моторизованные пехотные дивизии и одну кавалерийскую бригаду. К ним следует прибавить шестнадцать новых дивизий, сформированных только после объявления всеобщей мобилизации и предназначенных для второго – четвертого эшелонов. Пока еще их нельзя было считать полноценными войсками. Кроме того, для участия в Польской кампании назначались дивизия СС лейбштандарт «Адольф Гитлер» и один-два усиленных полка СС.

Таким образом, на западе осталось только одиннадцать кадровых дивизий, несколько крепостных частей численностью около дивизии (позднее переформированы в 72-ю пехотную дивизию) и тридцать пять вновь укомплектованных дивизий до второго – четвертого эшелонов. Не имелось ни бронетанковых, ни моторизованных войск. Итого сорок шесть дивизий, из которых лишь три четверти были условно годны для участия в боевых действиях.

22-я пехотная дивизия, проходившая подготовку и оснащенная как воздушно-десантная, осталась в резерве ОКХ на территории Германии.

Основная часть наших военно-воздушных сил в составе двух воздушных флотов также была брошена против Польши, а третий воздушный флот, как более слабый, остался на западе.

Безусловно, распределив свои силы подобным образом, немецкое командование пошло на огромный риск. Из-за неожиданно быстрого завершения Польской кампании (которое отчасти произошло в результате ошибок побежденной стороны) и, прежде всего, по причине полного бездействия западных союзников Польши во время ее разгрома этот риск едва ли был оценен по достоинству.

Нужно принять во внимание, что в тот момент немецкое командование должно было считаться с французской армией, насчитывавшей около девяноста дивизий. Осенью 1939 года (по данным фон Типпельскирха) Франция фактически мобилизовала 108 дивизий за три недели! Всего в их число входило пятьдесят семь пехотных, пять кавалерийских, одна бронетанковая и сорок пять резервных, или «территориальных», дивизий при поддержке сильных армейских частей, танковых и артиллерийских². Последние имели то преимущество, что состояли

² Однако нужно отметить, что на первых этапах часть этих сил оставалась в Северной Африке и на альпийской границе. (Примеч. авт.)

из резервистов, прошедших полный курс подготовки, тогда как вновь созданные соединения в большой степени комплектовались неопытными новобранцами или запасниками времен Первой мировой.

Поэтому не вызывает сомнения, что с первого же дня войны французская армия во много раз превосходила немецкие силы на западе.

С другой стороны, доля британских сухопутных сил была довольно незначительна. Они насчитывали всего четыре дивизии, да и те прибыли только в первой половине октября.

В основе плана действий Германии против Польши лежало максимальное использование возможностей, предоставляемых формой границы, дабы с самого начала окружить противника. Таким образом, немецкие армии развернулись двумя далеко отстоящими друг от друга фланговыми группами, оставив центральный участок (бассейн Одер – Варта) почти открытым.

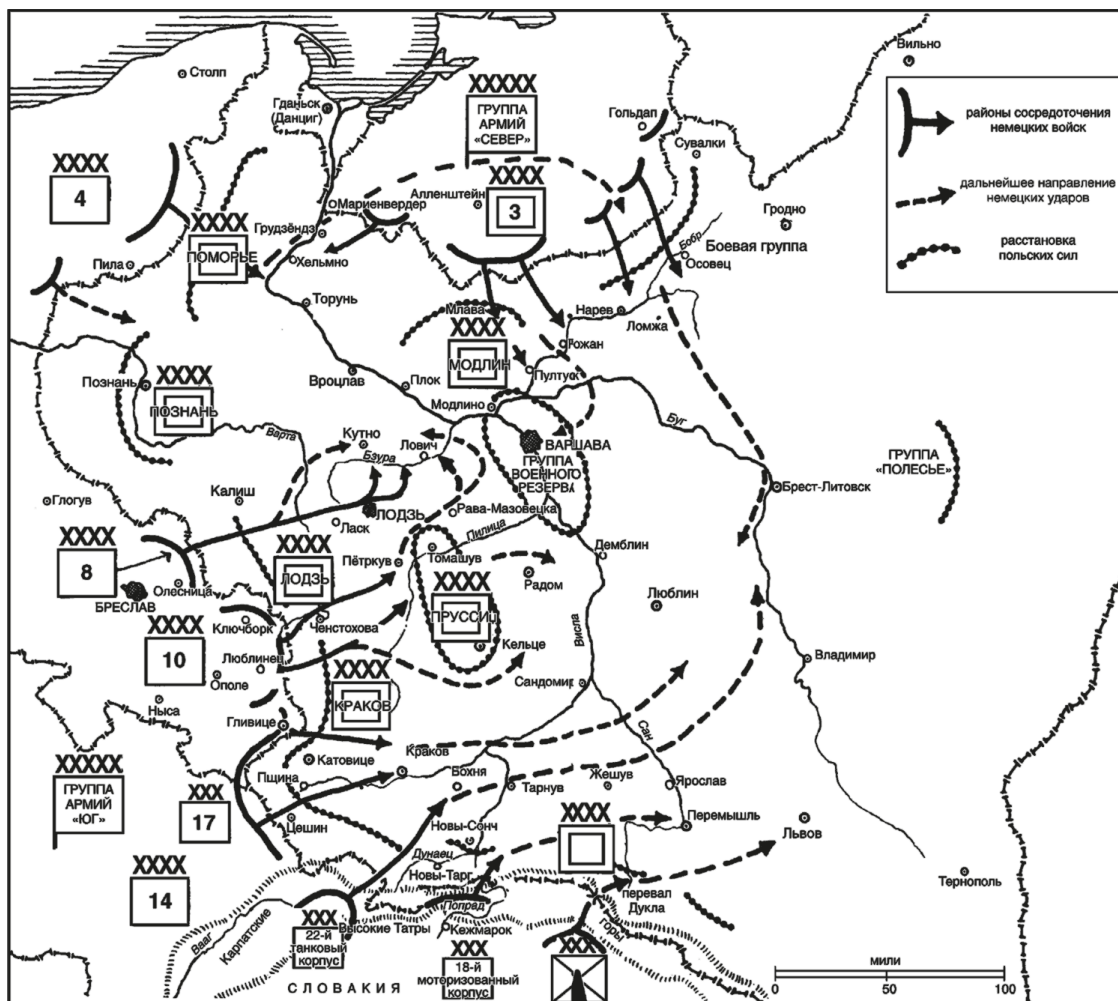
Группа армий «Север» (командующий генерал-полковник фон Бок, начальник штаба генерал фон Зальмут) включала в себя две армии, насчитывавшие пять пехотных и один бронетанковый корпус. Всего в их состав входило девять кадровых пехотных дивизий (в том числе 50-я пехотная дивизия, только что сформированная из крепостных войск и не до конца укомплектованная), восемь пехотных дивизий, сформированных во время мобилизации, две бронетанковые дивизии (а также вновь созданная танковая тактическая группа Кемпа), две мотопехотные дивизии и одна кавалерийская бригада – всего двадцать одна дивизия. К ним следует прибавить расположенные в Восточной Пруссии крепостные войска Кенигсберга и Лётцена, а в Померании – бригаду Нетце.

3-я армия (командующий генерал фон Кюхлер) из состава этой группы армий развернулась в Восточной Пруссии, а 4-я армия (командующий генерал-полковник фон Клюге) – в Восточной Померании.

Задача группы армий заключалась в том, чтобы нанести удар через Польский коридор, затем основными силами наступать восточнее Вислы на юго-восток или юг, после чего, форсировав Нарев, ударить в тыл польским войскам, которые, скорее всего, будут оборонять Вислу.

Группа армий «Юг» (командующий генерал-полковник фон Рундштедт, начальник штаба генерал Манштейн) располагала существенно большими силами. В ее состав входило три армии: 14-я (генерал-полковника Листа), 10-я (генерал-полковника Рейхенау) и 8-я (генерал-полковника Бласковица). Всего группа армий насчитывала восемь пехотных и четыре бронетанковых корпуса, в том числе пятнадцать кадровых пехотных дивизий, три горнострелковые дивизии, восемь вновь укомплектованных дивизий, а также значительную часть механизированных соединений: четыре бронетанковые, четыре легкие и две моторизованные пехотные дивизии. Итого тридцать шесть дивизий.

Группа армий осуществила развертывание 14-й армии в промышленной области Верхней Силезии, Восточной Моравии и Западной Словакии; 10-й армии в Верхней Силезии в районе Кройцберга и южнее; 8-й армии в Центральной Силезии восточнее Эльса. Ее задача состояла в том, чтобы разгромить врага в большой излучине Вислы и в Галиции, совершить прорыв к Варшаве крупными моторизованными силами, как можно быстрее на широком фронте захватить переправы через Вислу, а затем в соединении с группой армий «Север» уничтожить остатки польской армии.

Расстановка немецких и польских сил

Расстановка сил и оперативный план польской армии

В мирное время Польша обладала тридцатью пехотными дивизиями, одиннадцатью кавалерийскими бригадами, одной горнострелковой бригадой и двумя моторизованными (бронетанковыми) бригадами. Кроме того, она располагала несколькими полками пограничных войск, большим количеством батальонов национальной обороны и военно-морскими соединениями, сосредоточенными в районе Гдыня – Хела.

Иными словами, в общей сложности она владела довольно значительными силами. Однако вооружение польской армии в основном относилось еще ко временам Первой мировой войны, а военно-воздушные силы примерно в тысячу самолетов тоже не отвечали современным требованиям.

По расчетам немецкой стороны, Польша должна была удвоить количество дивизий в случае войны, хотя представлялось сомнительным, что у нее имеется необходимое вооружение. По данным фон Типпельскирха в его «Истории Второй мировой войны», до начала военных действий Польша укомплектовала полков ровно на десять резервных дивизий, однако и после этого ей, по-видимому, не хватило времени сформировать из полков дивизии, как было запланировано. Однако в ходе кампании немецкой разведке все же удалось установить ряд польских резервных дивизий.

Польское командование сухопутных сил распределило войска следующим образом.

Вдоль восточнопрусской границы, перед рубежом Бобр – Нарев – Висла были развернуты:

1) Оперативная группа в составе двух дивизий и двух кавалерийских бригад между Сувалками и Ломжей;

2) Модлинская армия в составе четырех дивизий и двух кавалерийских бригад по обе стороны от Млавы.

В коридоре расположилась Поморская армия, включавшая пять дивизий и одну кавалерийскую бригаду.

У германской границы от Варты до словацкой границы сосредоточилось три армии:

1) Познанская армия в составе четырех дивизий и двух кавалерийских бригад в западной части Познанского воеводства;

2) Лодзинская армия в составе четырех дивизий и двух кавалерийских бригад в районе Велюни;

3) Краковская армия в составе шести дивизий, одной кавалерийской и одной моторизованной бригады между Ченстоховой и Новы-Таргом.

За последними двумя армиями стояла Прусская армия в составе шести дивизий и одной кавалерийской бригады в районе Томашув – Кельце.

Наконец, Карпатская армия в эшелонированном построении, составленная в основном из резервных частей и батальонов национальной обороны, должна была прикрывать глубокий фланг вдоль карпатской границы.

Резервная группа (армия генерала Пискора), включавшая три дивизии и одну моторизованную бригаду, оставалась на Висле в районе Модлин – Варшава – Люблин. Кроме того, восточнее Буга уже в ходе кампании была сформирована независимая Полесская группа, вероятно для обороны от нападения со стороны России.

Как оказалось впоследствии, когда началось немецкое наступление, Польша еще не закончила развертывания своих сил, и, видимо, поэтому оно так и не было доведено до конца в соответствии с вышеизложенным планом.

Несколько замечаний о развертывании польских сил

Трудно определить, в чем состояли стратегические цели развертывания польских сил, если только в его основе не лежало желание «закрыть все» и ничего не отдавать добровольно. Обычно такой образ действий приводит к поражению более слабой стороны. Всего через несколько лет Гитлеру пришлось убедиться в этом на собственном опыте, но он не вынес из него никаких уроков.

Итак, сложность стратегического положения Польши, заключавшаяся в слабости польских вооруженных сил, а также в особенностях границы, которые давали Германии возможность наступать с двух, а позднее и с трех сторон одновременно, была совершенно очевидна. И если польское Верховное командование все же отважилось на попытку «удержать все», это показывает только то, как трудно совместить психологические и политические сдержки с твердо установленными военными фактами.

Вероятно, за исключением маршала Пилсудского и еще нескольких трезвомыслящих политиков, никто в Польше не отдавал себе полного отчета, в сколь опасной ситуации оказалась страна в результате необоснованных территориальных претензий к соседним государствам – России и Германии. При этом Польша насчитывала всего лишь 35 миллионов жителей, из которых поляков было только 22 миллиона, а остальные принадлежали к немецкому, украинскому, белорусскому и еврейскому меньшинствам, которые без исключений в той или иной степени подвергались притеснениям.

Кроме того, Польша, полагаясь на французских союзников, в годы военной слабости Германии (и Советского Союза) слишком долго мечтала о возможности атаковать Германское государство. Одни желали бы напасть на изолированную Восточную Пруссию или – в результате пропаганды Польской повстанческой лиги – на немецкую Верхнюю Силезию; другие даже обдумывали поход на Берлин либо по кратчайшему пути через Познань и Франкфурт, либо, после захвата Верхней Силезии, путем наступления на столицу западнее Одера.

Конечно, эти мечты потерпели крах сначала в результате строительства немецких укреплений в Восточной Пруссии и бассейне Одер – Варта, а позднее перевооружения Германии. Но маловероятно, чтобы агрессивные идеи подобного рода полностью исчезли из головы польских политиков и военных, рассчитывавших на одновременное наступление французов на западе. Хотя изложенный выше план развертывания сначала мог иметь оборонительный характер, можно допустить, что его целью также было обеспечить возможность для наступательных действий впоследствии, как только Франция окажет реальную помощь.

Что до остального, то у польского Генштаба не было собственной военной доктрины, которая формируется в результате многолетнего опыта. С одной стороны, поляки по характеру более склонны к нападению, чем к обороне. Можно предположить, что в умах польских солдат все еще бродили, хоть и подсознательно, романтические представления старинных времен. К слову, мне вспоминается виденный как-то портрет маршала Рыдз-Смиглы, изображенного на фоне атакующих кавалерийских эскадронов. С другой стороны, недавно созданную польскую армию обучали французы. От них польские военные едва ли могли почерпнуть умение действовать быстро и гибко в силу того, что с 1918 года французская военная мысль основывалась на опыте позиционной войны.

Таким образом, легко прийти к выводу, что, не считая желания «ничего не отдавать», план развертывания польских войск не имел какой-либо четкой оперативной цели и представлял собой лишь компромисс между захватническими амбициями прошлого и необходимостью обороняться от превосходящих сил противника. В то же время поляки совершили ошибку, посчитав, что немцы будут вести наступление по французскому образцу и вскоре оно выродится в позиционную войну. В этой связи представляет интерес секретное сообщение, которое мы получили незадолго до начала войны, о том, что поляки, возможно, собираются предпринять наступление. Оно исходило из источника, до тех пор считавшегося совершенно надежным, в непосредственном окружении президента Польши или маршала Рыдз-Смиглы, и в нем говорилось, что поляки собираются развернуть войска для наступления и сосредоточить значительные силы в Познанской провинции. Самое примечательное то, что план кампании якобы предложили, если не потребовали, британцы! В тогдашних обстоятельствах мы сочли это предложение весьма неприемлемым. Однако впоследствии оказалось, что поляки действительно собрали сравнительно крупные силы в Познани, хотя сами они придерживались той точки зрения, что с этой стороны менее всего приходилось ожидать германского наступления. Познанской армии суждено было встретить свою гибель в боях на реке Бзуре.

На самом деле у Польши не было недостатка в разумных предложениях. Как пишет полковник Герман Шнейдер в «Милитервиссеншафтliche рундшау» за 1942 год, генерал Вейган предложил перенести оборону за линию Неман – Бобр – Нарев – Висла – Сан. С оперативной точки зрения это был единственный верный совет, поскольку так устранялась вероятность окружения немецкими войсками, а также за счет препятствий в виде рек значительно облегчалась оборона от немецких танковых соединений. Вдобавок эта линия составляла в длину всего 600 километров в противоположность дуге в 1800 километров, которую описывала польская граница от Сувалок до карпатских перевалов. Разумеется, если бы предложение было принято, это потребовало бы оставить всю Западную Польшу, где сосредоточились самые ценные промышленные и сельскохозяйственные районы страны, и маловероятно, что какое-либо польское правительство смогло бы устоять после такого шага. Также нужно принять во внимание, что

столь далекий отход в самом начале военных действий едва ли способствовал бы воинственности французов на западе, и по-прежнему оставалось неясным, не подвигла бы сдача Западной Польши немцам русских к немедленным действиям, чтобы, со своей стороны, обеспечить себе долю в восточных трофеях.

Вследствие этого, как говорит нам полковник Шнейдер, генерал Кутшеба, директор польской военной академии, в меморандуме, который он направил маршалу Рыдз-Смиглы в начале 1938 года, предложил иное решение. Он настаивал, что не может быть и речи о том, чтобы сдать «важнейшую стратегическую область Польши», охватывавшую и промышленные районы Лодзи и Верхней Силезии, и ценные сельскохозяйственные районы в Познани, Кутно и Кельце. Поэтому он предложил план развертывания войск, который, хотя и не предусматривал попыток удержать Польский коридор или Познанскую провинцию, в основном совпадал с тем планом, который и был окончательно принят в 1939 году. Для укрепления польской обороны следовало построить протяженную систему фортификаций южнее восточнопрусской границы, по широкой дуге от Грудзёндза до Познани и вдоль силезской границы от Острова, через Ченстохову до Цешина. В то же время генерал Кутшеба обращал внимание на необходимость подготовки «лазов» для последующего наступления на Восточную и Западную Пруссию и Силезию. Совершенно ясно, что строительство таких протяженных и достаточно мощных укреплений выходило за рамки возможностей Польши. Однако генерал Кутшеба признавал военное превосходство Германии перед Польшей. Также разумно он оценивал и французскую поддержку, поскольку считал, что, даже если Франция окажет военную помощь в максимальном объеме, в первые шесть – восемь недель Польша будет вынуждена обходиться собственными силами. Поэтому он предусматривал «стратегическую оборону» по западному периметру вышеупомянутой «важнейшей области», внутри которой планировалось собрать резервы для последующих решительных операций.

Как уже говорилось, развертывание, выполненное польской армией в 1939 году, весьма походило на план развертывания, рекомендованный генералом. Впрочем, он предлагал сосредоточить главные усилия в районе Торунь – Быдгощ – Гнезно, тогда как в 1939 году было два района такого сосредоточения: один по периметру Восточной Пруссии, другой против Силезии.

Польское развертывание 1939 года, задуманное с целью «прикрыть все», в том числе выступающую вперед Познанскую провинцию, неизбежно влекло за собой поражение ввиду превосходства Германии и ее возможностей к охвату с флангов. Каким же образом должна была действовать Польша, чтобы избежать поражения?

Прежде всего следовало решить, сдавать ли одну только упомянутую генералом Кутшебой «важнейшую стратегическую область» или – в результате окружения со стороны Восточной Пруссии, Силезии и Словакии – вместе с польской армией. Подобный же вопрос я не один раз задавал Гитлеру в 1943–1944 годах, когда он требовал от меня удержать Донбасс, Днепр и другие районы России.

По-моему, ответ на этот вопрос был предельно ясен. Командование Польши должно было строиться на том, чтобы польская армия любой ценой продержалась до того момента, пока наступление западных держав не вынудило бы немцев отвести основную массу войск с Польского театра военных действий. Даже притом что на первый взгляд утрата промышленных областей лишала Польшу способности вести продолжительную войну, существование польской армии как боеспособного соединения все-таки сохраняло возможность отвоевать их в будущем. Ни при каких обстоятельствах польская армия не должна была допустить окружения ее западнее Вислы или на обоих ее берегах.

Суть проблемы для Польши состояла в том, чтобы выиграть время. Очевидно, что решительная оборона могла быть организована только за линией Бобр – Нарев – Висла, хотя на

южном фланге можно было выдвинуть фронт вверх до Дунайца с целью удержать центральный промышленный район Польши между Вислой и Саном.

В первую очередь необходимо было устранить всяческую возможность окружения германской армией со стороны Восточной Пруссии и Западной Словакии. Для этого следовало занять на севере линию Бобр – Нарев и вниз вдоль Вислы до Модлинской крепости или Вышеграда. Во всяком случае, эта линия представляла собой сильное естественное препятствие, а бывшие русские укрепления, хотя они и устарели, могли послужить дополнительной поддержкой. Кроме того, если и можно было ожидать немецкого танкового удара из Восточной Пруссии, то едва ли крупными силами.

На юге трудность состояла в том, чтобы предотвратить охват в глубоком польском тылу путем обороны карпатских перевалов. Безусловно, обе эти задачи можно было решить небольшими силами. Развертывание польских соединений в направлении линии Бобр – Нарев было такой же грубой ошибкой, как и выдвижение крупными силами в Польский коридор и наступающую Познанскую провинцию.

После того как северный и южный фланги были бы обеспечены от глубокого охвата, Польша получила бы возможность перейти на западе к маневренной обороне, не забывая о том, что главный немецкий удар следует ожидать со стороны Силезии. Во-первых, потому, что железнодорожная и дорожная сеть позволяла сосредоточить мощные силы здесь быстрее, чем в Померании или тем более в Восточной Пруссии; во-вторых, потому, что удар по Варшаве через Познань мог быть осуществлен только фронтально и, значит, в оперативном смысле был наименее эффективен и в силу этого маловероятен.

Сосредоточение польских сил должно было осуществляться не вблизи границы, как это происходило в 1939 году, но на достаточном удалении от нее, чтобы защитники могли определить направление главных ударов германской армии. Для этого необходимо было оставить минимум сил в коридоре и Познанской области, чтобы собрать основные силы для отражения главного удара со стороны Силезии и, прежде всего, иметь под рукой достаточные стратегические резервы. Если бы Польша обратила внимание на усиление бывших немецких укреплений на Висле между Торунью и Грудзёндзом, а не предавалась слишком долго мечтам о нападении на Германию, она, по крайней мере, могла бы задержать соединение немецких сил, наступающих из Померании и Восточной Пруссии; аналогично, должным образом укрепив Познань, она ограничила бы свободу действий немецких армий в этой провинции.

Кроме того, план использования внутренней линии обороны для нанесения контрударов на севере или юге Западной Польши, как того потребует развитие событий, на практике был едва ли осуществим. Для такого рода операций не хватало места, да и железнодорожная сеть Польши не выдержала бы напряжения. К тому же нужно было учитывать, что немецкая авиация и танковые соединения очень скоро могли воспрепятствовать передвижению крупных польских сил. Поэтому не оставалось ничего иного, как перенести жесткую оборону за линию Бобр – Нарев – Висла – Сан (или, возможно, и Дунаец), а перед ней вести бои только с целью выиграть время, не забывая о том, чтобы с самого начала сосредоточить главные силы против Силезии и одновременно обеспечить эффективную защиту северного и южного флангов.

Никто не сможет утверждать, что любая из этих мер спасла бы Польшу от окончательного поражения, если бы – как и оказалось в действительности – западные державы предоставили ее самой себе. Однако таким путем поляки не допустили бы столь легкого захвата приграничных районов, в результате чего польское командование не смогло ни организовать сопротивление на Висленской дуге, ни отвести армию за речные рубежи и занять подготовленную оборону.

С первого же дня Польше оставалось только тянуть время. Единственный возможный выход для нее состоял в том, чтобы противостоять немецкому наступлению – в конечном итоге за речными рубежами – до тех пор, пока союзное наступление на западе не вынудит немцев отвести войска. Поэтому польское военное командование должно было без обиняков заявить

правительству страны, что вступать в войну с Германией, пока западные державы твердо не гарантируют начать наступление на западе всеми доступными силами сразу же после открытия военных действий, нельзя.

Учитывая, каким решающим влиянием обладал в то время польский главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы, ни одно правительство не пренебрегло бы этим предостережением. Пока позволяло время, оно должно было урегулировать вопрос о Данциге и коридоре, хотя бы ради того, чтобы оттянуть войну с Германией.

В 1940 году наши войска во Франции перехватили письмо, датированное 10 сентября 1939 года, направленное генералом Гамеленом польскому военному атташе в Париже. Очевидно, что это ответ на польский запрос о том, когда они могут ожидать эффективной военной помощи. Генерал Гамелен так отозвался на него для дальнейшей передачи маршалу Рыдз-Смиглы:

«Более половины наших кадровых дивизий на северо-востоке участвуют в военных действиях. После перехода границы немцы оказывают нам упорное сопротивление, несмотря на которое нам удалось продвинуться вперед. Однако мы связаны позиционной войной с противником, хорошо подготовленным к обороне, а я еще не получил всей необходимой артиллерии... С самого начала немецкая авиация взаимодействовала с операциями наземных сил, и у нас создается впечатление, что против нас действует значительная часть люфтваффе.

Таким образом, я досрочно выполнил свое обещание начать наступление главными силами через две недели после первого дня объявления мобилизации во Франции. Большого я сделать не мог».

Из этого вытекает, что Польша действительно имела гарантии французской стороны. Остается вопрос, могло ли польское командование удовлетвориться гарантиями, которые обязывали французов «начать наступление» только по истечении целых двух недель. Так или иначе, произошедшие с тех пор события показали, что это обещание отнюдь не гарантировало Польше ни быстрой, ни эффективной помощи.

Поражение Польши стало неизбежным следствием иллюзий, которые питало варшавское правительство относительно действий союзников, а также переоценки возможностей польской армии вести продолжительное сопротивление.

3. Действия группы армий «Юг»

Когда на рассвете 1 сентября 1939 года наши войска перешли польскую границу, штаб нашей группы армий, разумеется, находился на своем посту в монастыре Святого Креста в Нысе. Монастырь, в котором обучались католические миссионеры, находился за чертой города и представлял собой идеальное помещение для высшего штаба благодаря своей вместительности и уединению, а также простой отделке классов и келий. Спартакское существование его обычных обитателей, которые уступили нам часть построек, накладывало определенный отпечаток и на нашу жизнь, тем более что наш комендант лагеря, хотя и служил раньше в знаменитой мюнхенской пивной «Левенброй», не выказывал большого желания нас побаловать. Естественно, что мы, как все остальные солдаты, получали ежедневный паек, да и на тушенку, которую нам готовили на обед в полевой кухне, жаловаться не приходилось. Однако мне очень сомнительно, что изо дня в день мы непременно должны были получать на ужин солдатский хлеб и твердую копченую колбасу, которую старшие из нас пережевывали с большим трудом. К счастью, время от времени монахи добавляли к нашему рациону зеленый салат и овощи со своего огорода. Иногда вечерами к командующему группой армий и штабным офицерам присоединялся настоятель и увлекательно рассказывал о самоотверженных трудах миссионеров в далеких краях. Эти рассказы помогали нам не без приятности отвлечься, хоть и ненадолго, от насущных вопросов, которые ставило перед нами ближайшее будущее.

Но 1 сентября положило конец нашим беседам. Отныне все свое время до последней минуты мы отдавали войне. Если в то утро мы так рано оказались на своих рабочих местах, то не потому, что в этом была практическая необходимость, а скорее из чувства, что мы должны быть в полной готовности с того момента, как наши войска придут в соприкосновение с врагом. Ведь мы точно знали, что пройдут многие часы, прежде чем мы услышим важные известия из подчиненных армий. Эти часы знакомы всем, кому приходилось работать в высших штабах, — часы, когда события уже идут своим чередом и можно лишь ждать их развития.

Фронтальной солдат знает, какое невероятное напряжение нарастает перед наступлением, когда на часах командира стрелки размеренно идут вперед вплоть до того мига, когда начинается бросок и напряжение спадает. Но с этой секунды бойца на передовой полностью захватывает бой и заставляет забыть обо всем остальном. В отличие от него у штабного офицера — и чем выше его звание, тем это вернее — в момент атаки начинается период ожидания, наполненного напряжением и тревогой. Вполне справедливо, что подчиненные соединения не любят получать запросы о ходе боя, которые не могут не понимать как признак нервозности. Поэтому лучше просто сидеть и ждать. Кстати, стоит заметить, что поговорка о худых вестях, которые не лежат на месте, редко подходит к военным событиям. Если дела идут хорошо, обычно новости приходят довольно быстро. Если же, наоборот, наступление завязает, фронт окутывает облако молчания либо из-за повреждения линий связи, либо потому что те, кому положено докладывать обстановку, предпочитают выждать, пока не смогут сообщить что-то более ободряющее.

Таким образом, напряжение спадает, только когда поступают первые донесения, будь они хорошие или плохие. А пока они не поступят, мы опять-таки можем только сидеть и ждать. Оправдают ли ожидания войска, на подготовку которых потрачено столько сил и труда, хотя она закончилась слишком быстро? А в особенности оправдают ли крупные танковые соединения, организация и применение которых представляли собой нечто совершенно новое, надежды генерала Гудериана, их создателя, и наши собственные? Смогут ли немецкие штабы, и в первую очередь нашей группы армий, овладеть ситуацией на первых этапах и довести дело до окончательной победы — уничтожить врага, пока он еще находится западнее Вислы, и тем

самым устранить опасность войны на два фронта? Вот вопросы, не дававшие нам покоя в те часы напряжения и неизвестности.

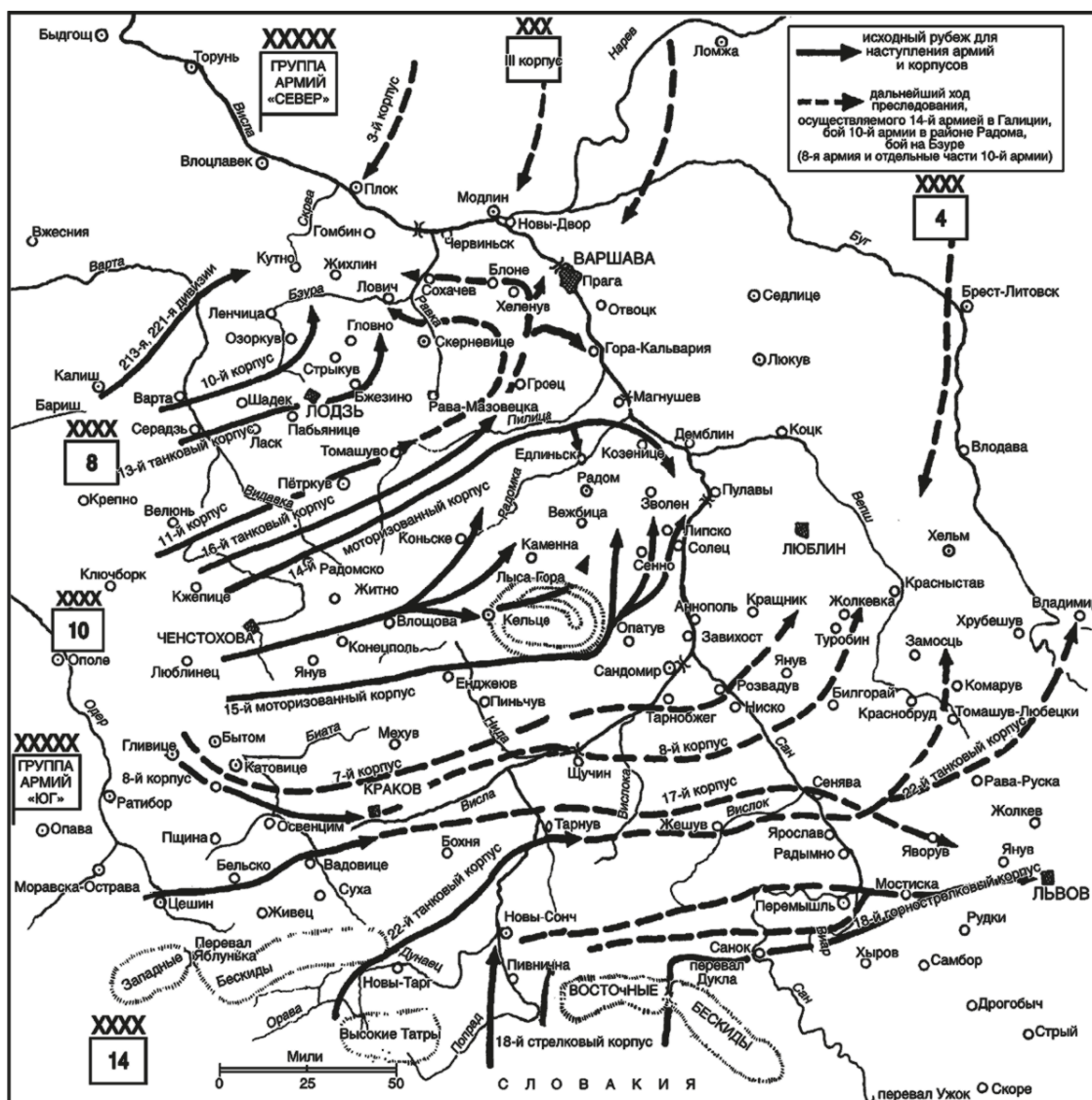
Начальная обстановка

План ОКХ предусматривал крупномасштабный обходной маневр против польской армии со стороны Восточной Пруссии и Силезии, который группа армий «Север» должна была осуществить, переправившись через Вислу после установления связи между Восточной Пруссией и Померанией и изгнания польских войск из коридора, чтобы с тыла атаковать основные силы противника на большой дуге Вислы.

Задача, назначенная группе армий «Юг», состояла в том, чтобы попытаться вынудить противника принять бой еще на Висле и сорвать его попытки отступить за линию Висла – Сан. С этой целью танковые соединения 10-й армии, непосредственно за которыми должны были следовать пехотные дивизии, должны собраться в кулак и опрокинуть войска неприятеля, вероятно сосредоточенные вблизи границы, и, по возможности опередив его, захватить переправы через Вислу от Демблина до Варшавы. Кроме того, 14-я армия, наступающая через Галицию, должна была как можно быстрее достичь и форсировать Сан. В случае, если враг намеревался оказать решительное сопротивление на Сане и Висле, 14-я армия могла немедленно внести беспорядок в неприятельскую оборону на речных рубежах и глубоко в тылу врага соединиться с восточным флангом группы армий «Север», подходящей с севера. Задача 14-й армии облегчалась тем, что ее правый фланг, далеко выдвинутый в Восточную Словакию, непосредственно угрожал глубокому флангу вражеских войск, сконцентрированных в районе Кракова, и тем самым исключала возможность долговременной обороны Галиции.

Таков был замысел, который лег в основу операций группы армий «Юг» в Польше. Она всеми силами стремилась завязать бой с противником и уничтожить его основные силы перед Вислой, но в то же время в любой момент была готова предотвратить попытки врага не вступать в решительный бой, пока он не отойдет за линию Сан – Висла.

Вместо того чтобы описывать каждый день операций, как бы ни был полезен подробный обзор этой «молниеносной» кампании, я предпочел бы ограничиться кратким пересказом ее основных этапов. Эти этапы, отчасти изложенные в хронологическом порядке, отчасти происходившие одновременно, таковы: тяжелые пограничные бои в Галиции и последующее преследование разбитого противника до Львова и за реку Сан силами 14-й армии; прорыв 10-й армии к Висле и сражение с окруженным противником в районе Радома; бой на Бзуре под непосредственным руководством штаба группы армий «Юг», в результате которого 8-я и 10-я армии уничтожили сильнейшую группировку вражеских войск; наступление на Варшаву и заключительные бои, явившиеся результатом частых изменений в договорах между руководителями Германии и Советского Союза, войска которого к тому времени вошли в Восточную Польшу, перейдя польскую границу 17 сентября 1939 года.

Операции группы армий «Юг» в ходе

Наступление 14-й армии в Галиции

Первой задачей 14-й армии было окружение значительных сил неприятеля, которые, как мы полагали, находились в районе Кракова. Армия уже начала маневр широким развертыванием из Силезии через район Моравска – Остравы (Мериш-Острау) в направлении на Карпаты.

В то время как 8-й корпус (командующий генерал Буш, в составе 8-я и 28-я пехотные дивизии и 5-я танковая дивизия) должен был прорваться за сильные пограничные укрепления поляков на востоке Верхней Силезии и затем наступать на Краков по северному берегу Вислы, 17-й корпус (командующий генерал Киниц, в составе 7-я и 44-я пехотные дивизии) подходил к Кракову из Моравии южнее Вислы.

Следующие армейские корпуса получили задание обойти с флангов вражеские силы, ожидавшие в районе Кракова:

22-й танковый корпус (командующий генерал фон Клейст, в составе 2-я танковая и 4-я легкая дивизии) должен был наступать на Краков с юга из долины Оравы в Западных Карпатах, а 18-й горнострелковый корпус (командующий генерал Байер, в составе 2-я и 3-я горнострелковые дивизии) должен был прорваться через долину Попрада восточнее Высоких Татр

с целью нанести удар через Новы-Сонч (Ной-Зандец) на Бохню (западнее Тарнува) и выйти в тыл противнику в районе Кракова.

Словацкие войска, впоследствии выпущенные ОКХ, должны были наступать далее на восток, через перевал Дукла, хорошо известный еще со времен Первой мировой. 1-я горнострелковая Баварская дивизия, закаленная в боях, и две резервные дивизии получили задание позднее также принять участие в действиях на этом окружающем фланге.

Хотя первые бои 14-й армии – в частности 8-го силезского корпуса за польские пограничные укрепления – шли тяжело, судьбу этих пограничных районов в оперативном отношении уже решил обходной маневр со стороны Карпат. Правда, намеченное окружение группировки противника у Кракова не удалось осуществить в точности, поскольку враг распознал грозящую ему опасность и вовремя оставил Западную Галицию. Однако его главные силы все же были разгромлены в этих первых боях и во время дальнейшего преследования, в ходе которого 22-му танковому корпусу удалось настичь отступающего врага. Правый фланг армии – 18-й горнострелковый корпус и 17-й корпус – продвинулись до Львова и крепости Перемышль, которые оба были взяты. Левый фланг, состоявший из 22-го танкового корпуса, 8-го корпуса и приданного группой армий 7-го корпуса, смог пересечь Сан выше места его впадения в Вислу, и, хотя в последующих боях, местами ожесточенных, неприятель храбро оборонялся, остальные его войска, подошедшие частично из Варшавы или с фронта группы армий «Север», были полностью разбиты. В надлежащее время наша группа армий соединилась с левым флангом группы армий «Север».

К 15 сентября пали Львов и Перемышль и преследование противника в основном было завершено, хотя здесь и восточнее Сана еще продолжались бои на уничтожение остатков польских частей.

Прорыв 10-й армии к Висле и сражение в Радомском котле

В то время как основная задача 14-й армии – помимо уничтожения войск врага, развернутых в Западной Галиции, – состояла в преследовании и захвате отступающего врага с целью любой ценой помешать ему остановиться за Вислой для подхода свежих сил, две армии, наступающие из Силезии, должны были вынудить противника принять решительную битву до выхода к реке. Ключевая роль отводилась более сильной из двух – 10-й армии, которой со своими мощными бронетанковыми соединениями поручалось нанести удар через Вислу, тогда как более слабая 8-я армия должна обеспечить защиту северного фланга операции от вражеских войск, расположенных, по нашим сведениям, в районе Калиш – Лодзь и в Познанской провинции.

10-я армия выступила из Верхней Силезии – левый фланг из района Кройцбурга – четырьмя корпусами. Начиная с правого фланга, это были: 15-й моторизованный корпус (командующий генерал Гот, 2-я и 3-я легкие дивизии), 4-й корпус (командующий генерал фон Шведлер, 4-я и 46-я пехотные дивизии), 16-й танковый корпус (командующий генерал Хепнер, 1-я и 4-я танковые дивизии, 14-я и 31-я пехотные дивизии) и 11-й корпус (командующий генерал Лееб, 18-я и 19-я дивизии). Следом шел 14-й моторизованный корпус (командующий генерал фон Витерсхейм, 13-я и 29-я моторизованные дивизии и 1-я легкая дивизия).

Следом за армией в качестве резерва группы армий шли 7-й корпус (командующий генерал фон Шоберт, в составе 27-я и 68-я пехотные дивизии) и 62-я пехотная дивизия.

8-я армия в составе 13-го корпуса (командующий генерал фон Вейхс, 10-я и 17-я пехотные дивизии и моторизованная дивизия «Лейбштандарт») и 10-го корпуса (командующий генерал Улекс, 24-я и 30-я дивизии) должна была наступать глубокоэшелонированным построением в направлении Лодзи. За армией также следовали две дивизии (213-я и 221-я) в качестве резерва группы армий.

Сразу после того, как на рассвете 1 сентября 1939 года немецкие армии перешли границу, завязалось яростное сражение, в ходе которого враг был отброшен. В следующие несколько дней перед нами настоятельно встал вопрос, будет ли он по-прежнему пытаться принять решающий бой по эту сторону Вислы, или он поставил себе цель выиграть время, чтобы успеть отвести свои силы за реку. Сначала, во всяком случае, некоторые признаки свидетельствовали о том, что в горной местности Лыса-Гора в районе Кельце, Радома и Лодзи формируются сильные группировки противника.

Однако в первые несколько недель войны решающими для исхода боев стали два фактора, впервые проявившиеся в этой кампании.

Первый из них заключался в том, что вражеский фронт был прорван танковыми соединениями, глубоко проникшими в его тыл, хотя нашим пехотным дивизиям приходилось прикладывать все усилия, чтобы двигаться наравне с ними.

Второй состоял в том, что в результате успешных действий немецких военно-воздушных сил была почти полностью уничтожена авиация противника и парализована транспортная сеть и коммуникации. В силу этих причин полякам не удалось наладить централизованное управление операциями.

Исходя из обстановки, сложившейся со стороны противника, штаб нашей группы армий счел необходимым поставить перед 10-й армией две задачи. Правофланговая группа (в составе 14-го моторизованного корпуса и 4-го корпуса), а также следовавший за нею 17-й корпус (лишь позднее переподчиненный 14-й армии) должны были атаковать и разгромить вражеские группировки, сосредоточенные в районе Радома. На вторую, левофланговую группу, имевшую в составе 16-й танковый корпус, 14-й моторизованный корпус и 11-й корпус, была возложена задача преградить противнику путь к отступлению из района Лодзи к Варшаве, в то время как 8-я армия должна была нанести удар с запада.

В ходе выполнения приказа 10-я армия сумела завязать бой с радомской группировкой врага в лесистой и гористой местности Лыса-Гора, в то время как мобильный 15-й моторизованный корпус выдвинулся между этой группировкой и переправами через Вислу в Опатуве и Демблине, а 14-й моторизованный корпус, действовавший в составе левофланговой группы на севере, также преграждал путь на Варшаву. 9 сентября закрылся первый котел этой войны, в который попала вражеская армия. Хотя бои в районе Кельце – Радом продолжались до 12 сентября, поскольку враг стремился прорвать сомкнувшееся вокруг него кольцо, судьба его была решена. В конце сражения в наших руках оказалось 60 тысяч пленных и 130 орудий, а поляки лишились семи дивизий. Даже если бы врагу удалось перейти через Вислу, он не избежал бы этой судьбы, так как в день, когда закончились бои под Радомом, 1-я горнострелковая дивизия 14-й армии уже стояла у врат Львова, а левый фланг армии перешел низовья Сана и потому был в состоянии сорвать оборону противника на Висле.

Между тем 16-й танковый корпус левофланговой группы 10-й армии с боями пробился к переправе через Вислу у Гора-Кальвария южнее Варшавы, а бронетанковая дивизия в составе корпуса вышла на ее юго-западные окраины. Для взятия столь укрепленного города, как Варшава, эти силы были недостаточны, и бронетанковую дивизию пришлось вывести из города. Однако факт остается фактом: путь к столице с запада был для врага отрезан.

Бой на Бзуре

В то время как в районе Радома еще продолжались бои, хотя победа, казалось, уже не за горами, наше внимание было приковано к северному флангу группы армий вследствие инициативы, проявленной здесь противником.

В первые девять дней кампании события происходили настолько гладко и планомерно, что возникало искушение поверить, будто ничто уже не сможет прервать или коренным обра-

зом изменить запланированный ход операции. Однако меня не покидало смутное ощущение того, что на северном фланге группы армий что-то готовится. Ведь нам было ясно, что враг собрал в Познанской провинции крупные силы, которые еще не обнаружили себя. В силу этого 8 и 9 сентября я неоднократно указывал начальнику штаба 8-й армии на то, что он должен уделить особое внимание разведке на северном фланге. В ходе обсуждения с командованием сухопутных сил относительно местонахождения познанских группировок 9 сентября мы получили из командования телеграмму о том, что противник отводит эти войска на восток всеми находящимися в его распоряжении транспортными средствами и что, следовательно, можно не опасаться угрозы глубокому флангу 8-й армии. Тем не менее, по нашим расчетам, южнее Вислы, между Лодзью и Варшавой, находилось около десяти дивизий противника.

Следует вспомнить, что группа армий планировала блокировать силами 10-й армии путь к Варшаве для группировки врага, состоявшей из пяти или шести дивизий, расположенных, по нашим сведениям, в районе Лодзи, в то время как 8-я армия получила приказ ударить по ней с запада. Первоначальная задача 8-й армии – защита операции группы армий на северном фланге глубокоэшелонированным построением – естественно, оставалась в силе.

При этом создавалось впечатление, что штаб 8-й армии больше заботился о выполнении первой из упомянутых задач, чем о событиях на севере, так как рано утром 10 сентября оттуда поступило донесение о том, что 30-я дивизия подверглась неожиданному нападению значительно превосходящих сил противника. Ситуация становилась критической, так как попытки армии восстановить положение контратаками терпели неудачи одну за другой. Однако командование армии все же рассчитывало на то, что врага удастся остановить, – безусловно, это были крупные силы, предположительно в основном переброшенные из Познанской провинции, – и с этой целью приказало всем корпусам занять оборону фронтом на север. Тем не менее оно запросило срочно перебросить для подкрепления армии танковый корпус, чтобы предотвратить прорыв врага в южном направлении на Лодзь, которая 9 сентября была занята без боя.

Однако штаб группы армий ни в коей мере не был расположен восстанавливать положение 8-й армии переброской подкреплений на ее фронт. Даже если здесь возник бы местный кризис – пусть даже серьезный, – он не имел бы никакого влияния на ход операции в целом. Напротив, он давал нам шанс превратить его в большую победу ввиду того, что крупные силы противника были задействованы в бою западнее Вислы, а он, если бы мы приняли верные меры, обязательно окончился бы их разгромом.

Поэтому, вместо того чтобы выполнить просьбу 8-й армии о подкреплении в составе танкового корпуса, штаб группы армий начал готовиться к окружению противника. С запада подходили две дивизии, следовавшие за 8-й армией в качестве резерва. Их можно было бросить против западного фланга неприятеля, атакующего 8-ю армию с севера. С той же целью одна легкая дивизия получила приказ выйти из боя в районе Радома, который как раз приближался к концу. В первую очередь штаб группы армий планировал заставить врага вступить в бой перевернутым фронтом. С этой целью штаб отдал 10-й армии приказ развернуть 16-й танковый корпус, находившийся тогда на южной границе Варшавы, и 11-й корпус, следовавший за ним, чтобы с востока вступить в бой, который вела 8-я армия. Задача самой 8-й армии состояла в том, чтобы отражать непрекращающиеся атаки врага, но, как только они начнут ослабевать, перейти в наступление.

Основываясь на тех впечатлениях, которые сложились у генерал-полковника фон Рундштедта и у меня самого при посещении штаба 8-й армии в то время (на одном из них присутствовал и Гитлер), штаб нашей группы армий решил взять на себя непосредственное руководство операцией. Наступление двух корпусов 10-й армии, вступившей в бой с юга и юго-запада, должен был возглавлять сам генерал-полковник фон Рейхенау, в то время как штабу 8-й армии поручалось руководить действиями обоих его корпусов, сражавшихся фронтом к северу, и окружением противника с запада. Наконец, по просьбе нашей группы армий из группы армий

«Север», форсировавшей Вислу с севера в тылу врага, был выведен 3-й корпус для завершения охвата. Когда в ходе битвы стало ясно, что крупные соединения противника пытаются отойти вдоль Вислы к Модлинской крепости, штаб группы армий вывел 15-й моторизованный корпус из-под Радома, чтобы отрезать врагу и этот последний путь к спасению.

После тяжелых боев, в которых враг пытался прорваться сначала на юг, затем на юго-восток и, наконец, на восток, 18 сентября его сопротивление было окончательно сломлено. К 20 сентября 10-я армия сообщила о захвате 80 тысяч пленных, 320 орудий, 130 самолетов и 40 танков. 8-я армия сообщила о 90 тысячах пленных и огромном количестве захваченной техники, еще не подсчитанном. Были разгромлены девять вражеских пехотных дивизий, три кавалерийские бригады и части еще десяти дивизий – фактически гораздо больше соединений, чем мы ожидали.

Бой на Бзуре был крупнейшей самостоятельной операцией Польской кампании и явился ее кульминационным, если не решающим моментом.

Говоря в оперативном отношении, решающим было глубокое окружение всех польских сил группой армий «Север» на севере и 14-й армией на юге. Вызван ли этот единственный крупномасштабный контрудар надеждой польского командования изменить исход сражения в Висленской дуге, или он лишь преследовал цель расчистить дорогу к Варшаве для войск противника, находившихся южнее Вислы, – он уже не мог изменить судьбу польской армии.

Пусть даже битва на Бзуре по своим результатам не может сравниться с боями с окруженным противником, которые имели место позже в России, на тот момент она была одним из самых крупных сражений. Это сражение нельзя было спланировать заранее как следствие прорыва через вражеский фронт мощными танковыми соединениями, оно возникло как результат контрударов немецких войск, наносившихся в тот момент, когда враг своими собственными действиями предоставил нам счастливую возможность.

Взятие Варшавы

После сражения на Бзуре и ряда боев в лесистой местности южнее Модлина с разрозненными частями врага, пытавшимися отойти из крепости на Варшаву, наша группа армий получила задание захватить столицу. До сих пор отдельные ее соединения перебрасывались на запад, где, к большому нашему удивлению, французы и британцы лениво взирали на гибель своего польского союзника.

Мы уже доложили ОКХ о том, что подготовку к штурму Варшавы невозможно закончить раньше 25 сентября, поскольку хотели стянуть к нам всю армейскую артиллерию, в том числе артиллерию 14-й армии.

Однако после начала советской интервенции 17 сентября и установления демаркационной линии по Висле Гитлеру не терпелось как можно скорее завладеть Варшавой, и он приказал взять город в последний день месяца. Конечно, в том, что политики ждут от военных победы, нет ничего необычного, но когда они назначают и точную дату победы – это, безусловно, нечто доселе невиданное.

Кроме того, штаб группы армий стремился осуществить наступление с наименьшими потерями в людской силе. По большому счету, единственная причина этого наступления состояла в том, что противник сосредоточил всю армию для обороны города и польский главнокомандующий объявил, что город будет держаться до последнего.

Штаб группы армий ясно понимал, что при сложившихся обстоятельствах внезапное наступление на город не даст ожидаемого результата. Однако он ни в коем случае не собирался вести сражение в самой Варшаве, какие бы причины этого ни требовали, поскольку оно неизбежно привело бы к огромным жертвам как среди наступающих войск, так и среди мирного населения.

Вследствие этого 8-я армия, которой было поручено занять город, получила приказ ограничиться тем, чтобы образовать вокруг крепости плотное непрерывное кольцо войск, примерно совпадающее с линией окружной железной дороги. Тогда город будет вынужден сдаться под воздействием артиллерийского обстрела и бомбардировок с воздуха либо, если не добьются результата, из-за нехватки продовольствия и воды. Кстати, следует упомянуть, что ранее штаб группы армий успешно противостоял желанию Гитлера бомбардировать город с воздуха, поскольку в то время воздушные атаки не имели прямой связи с военными действиями и никак не способствовали бы их успешному проведению. Однако в данном случае те же причины послужили для оправдания бомбардировки.

25 сентября был открыт огонь по внешним фортам и укреплениям, а также важным базам снабжения. В то же время начались локализованные атаки для выхода на намеченную линию осады. 26 сентября мы сбросили листовки с предупреждением о предстоящем обстреле города и призывом к гражданам сдаться. Так как польские войска продолжали упорное сопротивление, вечером того же дня начался настоящий обстрел.

В полдень 27 сентября генерал-полковник фон Рундштедт и я узнали во время посещения 18-й дивизии, которой я раньше командовал, что она только что заняла два форта и враг предложил капитуляцию. Мы немедленно прекратили обстрел.

На следующий день польский главнокомандующий и генерал-полковник Бласковиц, командир нашей 8-й армии, подписали акт о капитуляции. Он предусматривал немедленное оказание помощи гражданскому населению и раненым противника, а также полностью соответствовал военной чести отважного противника, хотя и потерпевшего поражение. Стороны согласились, что у офицеров сохранятся их шпаги, а унтер-офицеры и рядовые будут взяты в плен только на тот срок, который требуется для выполнения необходимых формальностей.

По данным полномочного представителя Польши, в Варшаве сдалось 120 тысяч офицеров и солдат.

Подписывая акт о капитуляции, польский генерал сказал: «Колесо всегда вертится». В конце концов он оказался прав, хотя – что касается дальнейшей судьбы его родины – едва ли в том смысле, какой имел в виду сам.

Завершающие бои восточнее Сана и Вислы

Хотя главная часть вражеских сил, сосредоточенных перед Вислой, была уничтожена в ходе сражения на Бзуре и при взятии Варшавы, в районе действий 14-й армии в Восточной Галиции и на дальнем берегу нижнего течения Сана все еще продолжались многочисленные бои, порой тяжелые, с отдельными группировками врага, которому пока еще удавалось избежать уничтожения. Тем временем корпус 10-й армии также форсировал Вислу у Демблина для наступления на Люблин. В ходе тех боев мы получили внезапный приказ Верховного командования (!) передать Советам Львов, который только что капитулировал перед войсками 14-й армии, и по всему фронту группы армий отойти за демаркационную линию, согласованную Риббентропом в Москве. Она проходила от перевала Ужок до Перемышля и далее вдоль Сана и Вислы до пункта севернее Варшавы. Таким образом, бои, которые группа армий «Юг» вела по ту сторону этих рек, оказались совершенно напрасными и принесли выгоду только Советам!

Чтобы отойти через Сан, нам пришлось выйти из боя с вражескими группировками, насчитывавшими две-три дивизии и одну-две кавалерийские бригады. Эти войска проявили непоколебимое мужество, но при этом полное непонимание ситуации в целом и сами перешли в атаку и попытались отрезать нашим 7-му и 8-му корпусам путь отхода к реке. Здесь, только вследствие политических торгов между немецким и советским правительствами, снова прошли тяжелые бои. Об этом лучше всего свидетельствует факт, что 1 октября снова произошло изменение демаркационной линии. На этот раз мы получили приказ опять занять Люблинское

воеводство. Поэтому 14-й моторизованный корпус снова форсировал Вислу и принял капитуляцию последней неприятельской группировки, с боями отходившей к реке перед теснившими ее советскими войсками.

Польская кампания была закончена. В ходе кампании группа армий «Юг» захватила 523 236 пленных и 1401 легкое полевое орудие, 7600 пулеметов, 274 самолета, 96 бронемашин и неисчислимо количество другой военной техники. Безусловно, человеческие потери врага были огромны, ибо он сражался с достойной восхищения отвагой и решимостью держаться до конца даже в самом безнадежном положении.

Наша группа армий понесла следующие потери: офицеры: 505 убитыми, 759 ранеными, 42 пропавшими без вести; унтер-офицеры и рядовые: 6049 убитыми, 19 719 ранеными, 4002 пропавшими без вести.

5 октября в Варшаве Гитлер принял парад победы, отдав честь всем стоявшим в городе и окрестностях дивизиям, которые маршировали мимо него по большому проспекту, ведущему от Бельведера к замку. К сожалению, парад окончился неприятным случаем, который лишь ясно показал отношение Гитлера к руководству сухопутных сил.

Было оговорено, что перед обратным полетом в Германию Гитлер встретится с командующими и офицерами войск, принимавших участие в параде, и с этой целью в ангаре накрыли стол, где они должны были отведать супа из полевой кухни. Однако, когда Гитлер вошел в ангар и увидел на столе белую скатерть и букеты осенних цветов, он резко развернулся и вышел к войскам у полевой кухни. Съев несколько ложек супа и поговорив с обступившими его солдатами, он напрямик направился к самолету. Очевидно, таким образом он пытался продемонстрировать свою «преданность народным массам». Однако я сильно сомневаюсь, что наши brave grenadiers действительно одобрили его поступок. Уверен, что они вполне поняли бы, что глава государства после одержанных побед оказал честь всем войскам, почтив посещение их командиров. Он же проявил пренебрежительное отношение к командирам, которое в тот момент не могло не заставить задуматься.

Вскоре Польская кампания получила название блицкриг – «молниеносная война». Действительно, по скорости исполнения и результатам она являлась почти единственной в своем роде, пока немецкое наступление на востоке не привело к подобным же событиям даже в еще большем масштабе.

Однако, чтобы правильно ее оценить, нужно вспомнить сказанное в предыдущей главе о перспективах, открывавшихся в этой войне перед Польшей.

По существу, немцы не могли не победить в этой кампании в силу превосходства и гораздо более благоприятной начальной обстановки, при выполнении двух условий: во-первых, если бы немецкое командование пошло на большой риск на западе, чтобы заручиться необходимым превосходством на востоке; во-вторых, если бы западные державы не воспользовались этим рискованным действием, чтобы оказать Польше своевременную помощь.

Не может быть никаких сомнений в том, что события могли развиваться совсем по-другому, если бы западные державы предприняли наступление на западе как можно раньше. Конечно, это требовало гораздо больше здравого смысла от польского командования, которое, вместо того чтобы с самого начала растрачивать ресурсы в попытке удержать то, что удержать было нельзя, могло бы сосредоточить силы на ключевых участках и систематически стараться выиграть время, необходимое для того, чтобы перед Германией встала реальная угроза ведения войны на два фронта. Храбрость, с которой польские войска сражались до конца, уверенно гарантировала им возможность продержаться до того момента, пока союзники выйдут на Рейн и заставят германское командование всерьез задуматься о прекращении Польской кампании.

Таким образом, и на этот раз побежденная сторона внесла свою лепту в победу своего противника, как однажды выразился граф Шлифен. С другой стороны, также нужно признать, что в конечном счете быстротой и полнотой нашего успеха в Польше мы обязаны – наряду

с оперативными преимуществами вначале и численным превосходством, достигнутым благодаря большому риску на западе, – более эффективному руководству и более высоким боевым качествам немецких войск.

Важнейшую роль в том, как быстро мы достигли успеха, сыграло нетрадиционное применение крупных, самостоятельно действующих танковых соединений при поддержке авиации, обладающей значительным превосходством. Но что по-настоящему решило дело, помимо стойкости, отваги и преданности немецкого солдата, – это дух, пронизывавший немецких командиров и боевые войска. Конечно, успешное техническое переоснащение произошло в большой степени благодаря стараниям Гитлера, однако техническое превосходство само по себе ни в коей мере не могло гарантировать столь быстрой и окончательной победы.

Но самым важным все же было то, что наш маленький рейхсвер, на который когда-то многие смотрели сверху вниз, возродил великие немецкие традиции в области обучения и руководства войсками, сумев спасти их после поражения в 1918 году. Новая немецкая армия – вермахт, детище того рейхсвера, – нашла способ не дать войне вырождаться в позиционную войну – вероятно, единственная, кому это удалось, – или, как выразился генерал Фуллер в отношении последнего этапа Первой мировой войны, в «скобяную торговлю». Немецкому вермахту удалось с помощью новых средств вновь овладеть истинным искусством ведения маневренной войны. Самостоятельность поощрялась вплоть до самого нижнего унтер-офицерского чина или солдата пехоты, чему не было примеров ни в одной другой армии, в этом и лежал секрет нашего успеха. Новая армия с честью выдержала свое первое испытание. Пока еще командование армии могло действовать без вмешательства со стороны. Пока еще командующие сохраняли всю полноту власти. Пока еще войска могли вести действия чисто военного характера, и потому война еще носила рыцарский характер.

15 октября нас посетил полковник Хойзингер из оперативного отдела ОКХ и сообщил приятную новость о том, что и наш штаб в конце месяца переводят на Западный фронт. Наше место должен был занять штаб 8-й армии под началом генерала Бласковица. Вскоре после этого я сам получил приказ явиться 21 октября в ОКХ, располагавшееся в Цоссене, чтобы получить указания о проведении операции на западе.

18-го числа я выехал из Лодзи, чтобы успеть ненадолго навестить семью и тяжело раненого шурина, находившегося в госпитале в Бреслау.

Затем передо мной встала новая задача.

Часть вторая Кампания на западе

Введение

*Зима тревоги нашей позади,
К нам с солнцем Йорка лето возвратилось³.*

Обрадованные тем, что нам удалось избежать неприятной роли оккупационных сил в Польше, 24 октября 1939 года мы с нашим штабом прибыли на Западный фронт, чтобы принять командование недавно сформированной группой армий «А». Передовые дивизии подчиненных нам армий (12-й и 16-й) были расположены вдоль границ Южной Бельгии и Люксембурга, а тыловые части протянулись до правого берега Рейна. Было решено, что штаб группы армий разместится в Кобленце.

Мы своевременно переехали в отель «Ризен-Фюрстен-хоф» у Рейна, который еще в бытность мою кадетом военного училища в близлежащем городке под названием Энгерс я считал верхом элегантности, а его кухню жемчужиной кулинарного искусства. Но теперь ограничения военного времени оставили печать и на этом знаменитом заведении. Наши кабинеты располагались в когда-то очаровательном старинном здании неподалеку от Дойчес-Эк⁴, где до начала войны была расквартирована Кобленцкая дивизия. Прелестные комнаты в стиле рококо стали мрачными и пустыми. Недалеко от здания, на маленькой, окаймленной старыми деревьями площади стоял весьма примечательный обелиск. На нем красовалась помпезная надпись о том, что он был возведен французским комендантом Кобленца в 1812 году в ознаменование переправы через Рейн «великой армии» Наполеона во время ее похода на Россию. Под первой надписью была выбита еще одна примерно с таким смыслом: «Принято к сведению и утверждено», а под ней стояла подпись русского генерала, который стал комендантом Кобленца в 1814 году.

Как жаль, что Гитлер этого не видел!

По моему предложению наша оперативная группа штаба получила ценное пополнение: еще один старый офицер Генштаба, назначенный в оперативный отдел. Это был тогда еще генерал-лейтенант фон Тресков, один из главных участников заговора против Гитлера, покончивший с собой в июле 1944 года. Тресков еще в мирное время работал под моим началом в 1-м управлении Генерального штаба. Это был весьма одаренный офицер и пламенный патриот. Особое обаяние ему придавали находчивость, образованность, манеры истинного джентльмена и умение держаться в любом обществе, и его элегантному, аристократичному виду полностью соответствовала его столь же красивая, сколь и умная жена, дочь бывшего военного министра и начальника Генерального штаба фон Фалькенгейна. В те дни едва ли в берлинских армейских кругах можно было встретить более очаровательную пару, чем чета фон Тресков.

Нас с Тресковым еще со времени совместной работы в оперативном отделе связывали узы взаимного доверия, сродни дружбе. Здесь, в Кобленце, он тоже оказал мне ценную помощь в борьбе за принятие плана наступления на западе, разработанного нашей группой армий. Когда впоследствии я был назначен командующим танковым корпусом, а затем и армией, я оба раза

³ Шекспир У. Ричард III. Перевод М. Лозинского.

⁴ Дойчес-Эк («немецкий угол») – остроконечная площадка в месте слияния Мозеля и Рейна, откуда открывается живописная панорама города и рек.

просил Трескова в начальники моего штаба. Однако мои просьбы отклонялись на весьма оригинальном основании, что мне такой умный человек не нужен. Когда наконец весной 1943 года его предложили на должность начальника штаба моей группы армий, я не мог предпочесть его моему начальнику оперативного отдела генералу Буссе, который был моего возраста и неоднократно доказал свою доблесть в боях, где мы сражались бок о бок. Я упоминаю об этом единственно потому, что некий близкий к Трескову господин распространял слухи о том, что я будто бы отказался от его кандидатуры, потому что он был ненадежным национал-социалистом. Все, кто меня знает, поймут, что я подбирал себе сотрудников не по этому принципу.

Если тем месяцам в Кобленце суждено было стать «зимой тревоги нашей», то это объясняется странной неопределенностью «войны теней» 1939–1940 годов, или «*drôle de guerre*»⁵, как называли ее французы. Нам было бы легче, если бы мы с самого начала могли плотно заняться систематической подготовкой подчиненных нам войск для наступления в будущей весне. Было известно, что Гитлер, к сожалению, собирается начать наступления в конце той же осени, а когда оно оказалось невозможным, то по крайней мере зимой. Каждый раз, когда его «предсказатели погоды», метеорологи люфтваффе, предвещали хорошую погоду, он отдавал сигнал к тому, чтобы войска выдвигались в районы сосредоточения. И каждый раз метеорологам приходилось сдавать свои позиции из-за того, что либо проливные дожди превращали землю в непроходимую трясику, либо внезапный мороз и снегопад ставили под вопрос целесообразность применения танков или самолетов. Вследствие этого нас постоянно бросало между приказами наступать и их отменами – состояние весьма раздражающее как для войск, так и для командиров. В этот период самым очевидным образом проявилось недоверие Гитлера к военным донесениям, не отвечавшим его желаниям. Когда штаб группы армий в очередной раз заявил, что из-за продолжительных дождей в настоящее время начать наступление невозможно, он отправил к нам своего шеф-адъютанта Шмундта с приказом на месте изучить состояние почвы. Для таких дел Тресков оказался идеальным человеком. Он целый день таскал своего бывшего товарища по полку по практически непроходимым дорогам, через размокшие пашни и топкие луга, вверх-вниз по скользким пригоркам, так что вечером, когда они вернулись в штаб, Шмундт еле стоял на ногах от изнеможения. С тех пор Гитлер отказался от этих совершенно неуместных методов проверки наших донесений о погоде.

Больше всего из-за абсурда то и дело меняющихся приказов и постоянно непродуктивного труда страдал, конечно, командующий нашей группой армий генерал-полковник фон Рундштедт, у которого долготерпение вообще не входило в число достоинств. Очень скоро наш штаб наводнил поток бумаг, обычно заливающий штабы боевых частей и соединений во время затишья на войне. Однако благодаря неписаному армейскому закону о том, что генерала, командующего соединением, нельзя загружать мелочами, фон Рундштедт почти не заметил его действия и каждое утро совершал долгие прогулки по набережной Рейна. Поскольку мне тоже нужно было хоть немного двигаться, я часто его встречал. Даже во время стужи, когда Рейн покрылся ледяной коркой, фон Рундштедт по-прежнему надевал только тонкий плащ. В ответ на мое замечание, что так он заболит и умрет, он только возразил, что у него никогда в жизни не было пальто и, уж конечно, он не собирается покупать его в старости! Так он и не купил себе пальто, ибо даже в преклонном возрасте у старика чувствовалось спартанское воспитание кадетского корпуса. Еще одна привычка фон Рундштедта напоминала мне собственную бытность кадетом. Когда генерал-полковник возвращался к своему столу и ждал, пока я или кто-то из офицеров штаба явится к нему с докладом, как это происходило каждый день, он убивал время тем, что читал остросюжетный детектив. Подобно многим другим выдающимся людям, он находил удовольствие в подобного рода литературе, но все же несколько стеснялся своего пристрастия и обычно клал раскрытый роман в выдвинутый ящик стола, чтобы быстро

⁵ «Странная война» (фр.).

задвинуть его, стоило кому-то войти к нему в кабинет. Так же делали и мы, кадеты, когда в часы самостоятельных занятий в нашу комнату заходил воспитатель!

Однако наше недовольство в ту зиму лишь в малой степени объяснялось колебаниями Гитлера и их пагубным воздействием на войска, которые рано или поздно начали бы сомневаться в разумности то отдававшихся, то отменявшихся приказов – не говоря уже о том, что это серьезно нарушало график межвойсковых учений, имевших особое значение для недавно сформированных дивизий.

Истинная причина нашего недовольства – или, говоря точнее, нервозности – заключалась в двух обстоятельствах.

Во-первых, она возникла из того, что я могу назвать только ослаблением власти ОКХ. Оно особенно удручало меня, поскольку я лично на посту первого оберквартирмейстера и помощника Фрича и Бека вплоть до зимы 1937/38 года боролся за то, чтобы в случае войны ОКХ заняло подобающее ему место в рамках определения военного курса в целом.

Во-вторых, штаб группы армий напрасно всю зиму пытался заставить ОКХ принять наш план операций, который – во всяком случае, по нашему мнению – единственный обеспечивает решающую победу на Западе. Только после того, как вмешался Гитлер, план был положен в основу наступления – но только когда уже ОКХ, безусловно вследствие наших настояний, сместило меня с поста начальника штаба группы армий.

Эти два фактора – «ослабление» ОКХ и борьба за план операций – в большой мере составляет подоплеку кампании на Западе, которой посвящена эта часть книги. Ее дальнейший ход уже известен во всех подробностях, и мне нет необходимости снова на нем задерживаться. Я хочу рассказать только о том, чему был свидетелем в качестве командира корпуса.

И тем не менее «зима тревоги нашей» все же сменилась «солнцем»!

4. Ослабление власти командования сухопутных сил

Считается, что отстранение ОКХ и Генерального штаба сухопутных сил от влияния на курс ведения войны на суше произошло в тот момент, когда Гитлер сместил фельдмаршала фон Браухича и взял на себя командование не только вооруженными силами в целом, но и сухопутными. В действительности же, однако, Генеральный штаб был практически, если не формально, лишен влияния еще в те недели, которые последовали непосредственно за Польской кампанией.

После моей поездки в Цоссен 21 октября 1939 года, где я получил «оперативной директивой «Желтый план» для группы армий «А», как теперь называлась группа армий «Юг», я записал в своем дневнике: «Аккомпанемент Хальдера, Штюльпнагеля и Грейфенберга производит чрезвычайно удручающее впечатление». В то время генерал фон Штюльпнагель был первым оберквартирмейстером и правой рукой Хальдера, начальника Генерального штаба, а полковник Грейфенберг возглавлял оперативное управление ОКХ.

Из высказываний этих трех господ было совершенно ясно, что ОКХ приняло план ведения войны, навязанный Гитлером. Очевидно, что они, как и командующий сухопутными силами, крайне отрицательно относились к мысли о наступлении на западе. Кроме того, по их словам можно было понять, что они считают, что германская армия не сможет одержать решающую победу на западе. Это впечатление подтверждалось и оперативной директивой, которая будет рассмотрена в свое время, и в ходе посещения штаба нашей группы армий командующим сухопутными силами и начальником его Генштаба, несколько раз бывавшими у нас впоследствии.

Теперь стало совершенно ясно, что взгляды на целесообразность и перспективы немецкого наступления на западе могли расходиться – особенно поздней осенью и зимой 1939 года. Меня приводило в ужас, как резко снизился статус сухопутного командования в высшем руководстве вооруженных сил. И это сразу же после того, как оно провело одну из самых блестящих кампаний немецкой истории!

Правда, Гитлер уже однажды не посчитался с мнением ОКХ, во время судетского кризиса. Но тогда на карте стояло нечто совершенно иное – вопрос не о руководстве военными операциями, а о политическом решении. Разногласия Гитлера с ОКХ – главным образом с начальником Генерального штаба Бекем – касались не проведения операций сухопутных сил, но вопроса о том, приведут ли действия против Чехословакии к вмешательству западных держав и тем самым к войне на два фронта, вести которую германская армия не смогла бы. Однако в конечном счете решение этого вопроса было делом политического руководства, которое имело возможность принять необходимые политические шаги, чтобы избежать войны на два фронта. Таким образом, хотя командующий сухопутными силами принял на себя тяжелую ответственность, признав тогда главенство политических соображений, он ни в коей мере не отказался от прерогативы осуществлять военное руководство в своей конкретной области.

Во время польского кризиса до нас не доходили сведения о подобном расхождении взглядов между Гитлером и ОКХ. Сказать по правде, я склонен думать, что после того, как в случае с Чехословакией Гитлер оказался прав в политической оценке западных держав, командование надеялось, что то же случится и осенью 1939 года. Как бы то ни было, я полагаю, что во все те решающие дни конца августа ОКХ, как и мы в группе армий «Юг», до последнего считало, что дело снова кончится политическим урегулированием, аналогичным достигнутому в Мюнхене соглашению. Во всяком случае, если не учитывать предложения Гитлера относительно развертывания наших сил в Восточной Пруссии, с которыми командование согласилось, нельзя сказать, что Гитлер вмешивался в ведение операции в Польше.

Однако теперь создалось совершенно иное положение. Конечно, с тем, что вопрос продолжения войны после разгрома Польши был вопросом военного курса в целом и в конечном итоге должен был решаться Гитлером, как главой государства и Верховным главнокомандующим вооруженными силами, спорить не приходилось. Но вопрос заключался в наступлении сухопутных сил на запад, его решение должно было целиком зависеть от того, будут ли готовы эти силы справиться с поставленной задачей, а также как и когда. По этим трем пунктам главенство командования сухопутных сил было неоспоримо.

И тем не менее по всем трем пунктам Гитлер поставил командование сухопутных сил перед свершившимся фактом, когда 27 сентября – без предварительной консультации с командующим сухопутными силами – сообщил командующим всех трех родов войск о том, что намерен той же осенью предпринять наступление на западе, нарушив этим нейтралитет Голландии, Бельгии и Люксембурга. Спустя некоторое время его решение выразилось в директиве ОКВ от 9 октября 1939 года.

По получении оперативной директивы «Желтый план» на основе высказываний трех вышеупомянутых офицеров я пришел к выводу, что ОКХ подчинилось этому *capitis diminutio*⁶. Оно отдало директиву о наступлении, которое по-прежнему не одобряло и в успехе которого сомневалось, по крайней мере в том, что он будет решительным. Учитывая соотношение сил на Западном фронте, приходилось согласиться с тем, что сомнения были небеспочвенны.

Поэтому я мог только заключить, что на этот раз ОКХ отказалось от притязаний на руководство в качестве органа, ответственного за ведение войны на суше, и смирилось с ролью чисто технического, исполнительного органа. Случилось то, что мы с генерал-полковником Беком когда-то старались предотвратить нашими рекомендациями о разумном распределении ответственности во время войны. Мы призывали создать единую инстанцию, которая действовала бы в качестве консультанта по вопросам ведения войны при главе государства и объединяла бы руководство всеми операциями на суше и вооруженными силами в целом, – во всяком случае, на время, необходимое для одержания победы на континенте, либо командующий сухопутными силами должен был взять на себя руководство вооруженными силами в целом, либо начальник имперского Генерального штаба, ответственный за операции вооруженных сил в целом, должен был одновременно руководить действиями сухопутных сил. Ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы два разных Генштаба – вооруженных сил и сухопутных сил – имели влияние на руководство последними.

Именно это, казалось, и произошло. Гитлер со своим ОКВ решали не только какие операции следует проводить сухопутным силам, но также когда и как. ОКХ оставалось только разрабатывать соответствующие приказы независимо от его согласия или несогласия с тем, что от него требовали. Командующий сухопутными силами был низведен с поста военного советника главы государства до уровня подчиненного командира, обязанного лишь беспрекословно подчиняться. Вскоре, как только ОКВ создало театр военных действий в Норвегии, это стало совершенно ясно.

Почему ОКХ было подобным образом отодвинуто на задний план – ответ на этот вопрос можно найти как в личных взаимоотношениях, так и в том, как решался вопрос о продолжении войны после разгрома Польши.

Гитлер – фон Браухич – Гальдер

Главная причина вышеописанных событий заключалась в личности Гитлера, в его ненасытной жажде власти и огромном самомнении, которое породили его бесспорные успехи и поддерживало лизоблюдство партийных боссов и некоторых лиц из ближайшего окружения. В

⁶ Понижение статуса (*лат.*).

отношении несогласных военных деятелей ему весьма способствовало то, что он был не только главой государства, но и Верховным главнокомандующим вооруженными силами, значит, их непосредственным начальником. Вдобавок он обладал особым талантом вдруг обрушить на своих военных сотрудников мощь экономических и политических аргументов, которые они не могли сразу же опровергнуть, поскольку государственному деятелю во всяком случае положено лучше разбираться в убедительности этих аргументов.

Однако в конечном итоге именно жажда власти Гитлера заставила его узурпировать роль высшего военачальника вдобавок к роли главы государства и политического вождя. В этой связи весьма примечателен один разговор, который состоялся у нас в 1943 году. Это был один из тех многих случаев, когда я пытался склонить Гитлера к разумной организации командования – иными словами, отдать руководство военными операциями в руки облеченного полной ответственности начальника Генерального штаба. В том разговоре Гитлер с жаром отрицал, что желает «играть в полководца», хотя, несомненно, его привлекала слава, связанная с этим. Напротив, утверждал он, по-настоящему решающее значение имеет то, чтобы он, и только он обладал властью и авторитетом добиваться исполнения своей воли. Он верил только во власть, а свою волю считал ее воплощением. Кроме того, есть основания предполагать, что после Польской кампании Гитлер опасался, что заслуги генералов могут нанести урон его авторитету в глазах народа, и поэтому он с самого начала так диктаторски отнесся к ОКХ в вопросе о ведении кампании на западе.

Такому человеку, неразборчивому в средствах, обладающему выдающимся умом и неукротимой волей, были вынуждены противостоять генералы фон Браухич и Гальдер. Он не только был всенародно признанным главой государства, но и занимал высшее положение в военной иерархии.

Поистине, борьба велась неравными силами, даже если бы оппонентами Гитлера в армии были другие люди.

Будущий фельдмаршал фон Браухич был очень способным офицером. Хотя он не достигал уровня таких генералов, как Арон фон Фрич, Бек, фон Рундштедт, фон Бок и Риттер фон Лееб, по положению он, несомненно, шел непосредственно за ними и, как показали события, тоже обладал всеми качествами, необходимыми для командующего сухопутными силами.

Что касается характера фон Браухича, то его поведение отличалось безупречностью. Не стал бы я отрицать и его силу воли, даже если, по моему опыту, она чаще негативно выражалась в некоторой негибкости, чем в конструктивной решимости. Он предпочитал выслушивать чужие решения, а не принимать их и добиваться их исполнения самому. Фактически он зачастую уклонялся от принятия решения, надеясь избежать борьбы, к которой не чувствовал себя готовым. Много раз фон Браухич упорно отстаивал интересы армии – например, когда добивался, чтобы Гитлер публично реабилитировал генерал-полковника фон Фрича, хотя хорошо понимал, что этим навлекает на себя немилость Гитлера в дальнейшем. Его смелость проявилась в приказе по войскам, который он отдал в связи со смертью фон Фрича. Однако в глубине души борцом он не был. Он никогда не относился к тем людям, которые умели добиться своего одной силой характера. Между прочим, генерал-полковник Бек однажды с горечью посетовал мне на то, как вяло фон Браухич отстаивал точку зрения ОКХ во время чешского кризиса и предоставил ему, Беку, выпутываться из трудного положения в полном одиночестве. С другой стороны, когда такие люди, как бывший посол в Риме фон Хассель, упрекают фон Браухича за нерешительность в вопросе о насильственном свержении Гитлера, они забывают о том, какая существенная разница между заговором, который подготавливает государственный деятель за письменным столом, уже не взваливая на свои плечи никакой ответственности (как герр фон Хассель), и участием руководителя армии в государственном перевороте, который в мирное время может повлечь за собой гражданскую войну, а в военное – отдать победу внешнему врагу.

Фельдмаршал фон Браухич, элегантный мужчина с печатью аристократизма, всегда вел себя исключительно как достойный человек. Он отличался вежливостью, обходительностью и даже обаянием, хотя его любезность не всегда производила впечатление внутренней теплоты. Насколько ему не хватало напора, который внушает уважение противнику или, по крайней мере, заставляет его действовать осторожно, настолько же он не производил впечатления волевой и творческой личности. В общем, от него веяло холодной сдержанностью. Он часто казался немного замкнутым и определенно был довольно щепетилён. Эти качества завоевали поддержку ближайших подчинённых, которые уважали в нём «джентльмена», но их было недостаточно, чтобы обеспечить ему полное доверие войск, которым пользовался, например, барон фон Фрич, да и на людей такого типа, как Гитлер, они не производили впечатления. Правда, генерал фон Зеект был ещё холоднее в обращении, до такой степени, что казался неприступным. Но все чувствовали преисполнявший его внутренний огонь и железную волю, делавшую его вождем. Ни одним из этих свойств не обладал фон Браухич, и он не отличался воинской отвагой фон Фрича, которая завоевывала сердца солдат.

Что касается отношений фон Браухича с Гитлером, я убежден, что борьба с человеком этой непреклонной воли морально истощила фельдмаршала. Характер, происхождение и воспитание не позволяли ему в спорах с Гитлером прибегать к тому же оружию, которое Гитлер, будучи главой государства, использовал без всяких зазрений совести. Браухич подавлял раздражение и гнев, тем более что в полемике он не был достойным соперником Гитлеру. И так это продолжалось до тех пор, пока болезнь сердца не заставила его уйти в отставку, которая пришлась Гитлеру как раз ко времени.

Справедливости ради нужно добавить, что с самого начала Браухич находился в гораздо менее выгодном положении по отношению к Гитлеру, чем его предшественник. Прежде всего, после ухода Бломберга с поста главнокомандующего вооружёнными силами, Гитлер стал не только руководителем государства, но верховным военачальником. Военный министр Бломберг нанес армии окончательный удар, когда предложил Гитлеру самому принять командование вооружёнными силами – хотя, конечно, можно было говорить, что Гитлер все равно пришёл бы к этому решению, с подачи Бломберга или нет.

Прежде всего, к тому моменту, как фон Браухич вступил в должность, Гитлер занял совсем иную позицию по отношению к армии и, в частности, к ОКХ, чем в предшествовавшие годы. Бесспорно то, что сразу после прихода к власти Гитлер ещё оказывал уважение руководителям армии и ценил их профессиональные способности. Это отношение он до конца сохранил к фельдмаршалу фон Рундштедту, хотя за время войны дважды снимал его с руководящего поста.

Два фактора в особенности привели к тому, что Гитлер изменил отношение к армии в последние мирные годы.

Во-первых, он отдавал себе отчет, что под командованием генерал-полковника барона фон Фрича (как и фон Браухича) армия не отступала от традиционных понятий простоты и благородства, а также солдатского понимания чести. Хотя Гитлер не мог упрекнуть армию в нелояльности к государству, было очевидно, что она не собирается выбросить за борт свои военные принципы в обмен на нацистскую «идеологию». Также очевидно было и то, что именно поэтому армия снискала популярность среди народа. Вначале Гитлер не желал прислушиваться к клеветническим обвинениям, которые распространяли против военных руководителей различные источники в партии, но в конце концов травля армии, развязанная главным образом такими личностями, как Геринг, Гиммлер и Геббельс, принесла плоды. Результаты этих подстрекательств стали ясны весной 1939 года из обращения Геринга к группе высокопоставленных военачальников якобы в качестве «старшего офицера вооружённых сил». В своей речи он бесцеремонно упрекнул армию, противопоставив ее двум остальным родам войск, в том, что она погрязла в старых традициях и не соответствует национал-социалистическому

строю. Такой речи генерал-полковник фон Браухич, присутствовавший при этом, никак не мог стерпеть.

Вторая причина натянутых отношений Гитлера с ОКХ состояла в том, что позднее он называл «вечной генеральской нерешительностью».

Под этим он подразумевал два фактора. Во-первых, он имел в виду упорное стремление ОКХ сдерживать чрезмерные темпы перевооружения, поскольку их постоянное ускорение отрицательно сказывалось на качестве войск. Во-вторых, Гитлер утверждал, что всех своих успехов во внешней политике он добился вопреки сопротивлению генералов, которые раз от раза слишком осторожничали. Ответить на это можно тем, что генерал-полковник фон Фрич – и ОКХ в его лице – не возражал против планов Гитлера ни по введению всеобщей воинской повинности, ни по оккупации Рейнской области⁷. Также не возражал и генерал Бек (тогда фон Браухича не было в Берлине), когда Гитлер решил вторгнуться в Австрию.

Именно военный министр Бломберг сначала возражал против введения всеобщей воинской повинности по внешнеполитическим соображениям, от которых позднее отказался. И именно Бломберг во время занятия Рейнской области рекомендовал Гитлеру – без ведома ОКХ – увести немецкие гарнизоны с левого берега Рейна, когда французы объявили частичную мобилизацию. Тот факт, что Гитлер едва не последовал этому совету и что его переубедило лишь замечание министра иностранных дел фон Нейрата о том, что не время терять выдержку, мог еще больше усугубить, как постоянное напоминание о минуте своей слабости, неприязнь Гитлера к высшему офицерству. И если в годы перевооружения ОКХ не раз предупреждало его, что армия по-прежнему отнюдь не готова к войне, то этим оно лишь выполняло свой долг. Официально Гитлер всегда соглашался с этой точкой зрения, хотя она могла лишь усилить его антипатию к ОКХ.

⁷ Генерал Хоссбах. Между армией и Гитлером. (Примеч. авт.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.